

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ

книга первая

Евангельская история

Протоиерей Павел Матвеевский

**Евангельская история.
Книга первая. События
Евангельской истории
начальные, преимущественно
в Иерусалиме и Иудее**

«Сибирская Благовонница»

1890

Матвеевский П.

Евангельская история. Книга первая. События Евангельской истории начальные, преимущественно в Иерусалиме и Иудее / П. Матвеевский — «Сибирская Благовонница», 1890 — (Евангельская история)

«Евангельская история» является самым известным трудом Павла Алексеевича Матвеевского (1828–1900) – духовного писателя, протоиерея, магистра Санкт-Петербургской духовной академии. Первое издание вышло в 1890 г. В книге последовательно излагается земная жизнь Иисуса Христа. Толкования П.А. Матвеевского взяты в основном из творений святых Отцов Церкви. Труд представляет большой интерес с точки зрения полноты изложения догматического учения о Христе и собранного в нем богатейшего материала священных текстов и их толкований. В первую книгу вошли начальные события Евангельской истории, происходившие в Иерусалиме и Иудее.

© Матвеевский П., 1890

© Сибирская Благовонница, 1890

Содержание

Введение	6
I	6
II	8
III	13
IV	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Евангельская история. Книга первая. События Евангельской истории начальные, преимущественно в Иерусалиме и Иудее Евангельская история. Книга 1 Протоиерей Павел Матвеевский

*По благословению митрополита Ташкентского и
Среднеазиатского Владимира*

В предлагаемой благочестивому вниманию читателей «Евангельской истории о Боге Слове Сыне Божиим, Господе нашем Иисусе Христе, воплотившемся и вочеловечившемся нашего ради спасения», мы имели целью представить Евангельские события и речи Господа в последовательном порядке, вместе с объяснениями их, заимствованными из творений святых Отцов и учителей Православной Церкви. Бесспорно, это – самые верные и надежные толкователи Евангельской истории. В песнопениях Православной Церкви, составленных в разное время теми же святыми Отцами и учителями, мы находим древнее предание, служащее к уяснению и решению некоторых вопросов, обыкновенно оставляемых без разъяснения.

Другие разнообразные сведения почерпнуты из источников и пособий, указанных в своем месте – в подстрочных примечаниях. Что касается расположения Евангельских событий и речей Господа, то мы следовали большею частью тому порядку, какой принят преосвященным епископом Феофаном, с указанием оснований, в книге его: «Евангельская история о Боге Сыне, воплотившемся нашего ради спасения», Москва, 1885 год.

Изложению земной жизни и Божественного учения Господа нашего Иисуса Христа мы считали необходимым предпослать «введение», <...> а также «вступительное благовестие святого евангелиста Иоанна Богослова о вочеловечении Бога Слова Сына Божия», составляющее догматическое предисловие к Евангельской истории.

Введение

I

Предвечный Совет Пресвятой Троицы

о спасении человеческого рода

Богу, как Всеведущему, от века, когда еще не было мира и времени, было известно, что человек, получивший от Творца своего разумно-свободную душу, не устоит в правой и святой жизни, не выдержит испытания и падением своим потеряет райское блаженство.

Богу, как правосудному, свойственно за злоупотребление свободы существами, одаренными разумом и свободой, и за нарушение Своей святой воли присуждать грешников к состоянию, сообразному со злоупотреблением свободы, к последствиям внутренним и внешним, временным и вечным.

Богу, как милосердому и всеблагому, не хотящему *смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему* (Иез. 33, 11), свойственно желать восстановления падших, свойственно помышлять о примирении виновных с оскорбленной святостью Своею, но не иначе, как способом, с одной стороны, вполне удовлетворяющим беспредельной правде Его, а с другой – сообразным со свободой падших, данною им Творцом.

Богу, как бесконечно приемудрому, в тайне Пресвятой Его Троичности, от века ведом был достойный и действенный способ к восстановлению падшего человека, – способ, в котором *милость и истина сретостяся, правда и мир облобызастяся* (Пс. 84, 11).

Посему, прежде сотворения мира и преемства времени, в предвечном совете Пресвятой Троицы о восстановлении падшего человечества было предназначено и определено все Домостроительство нашего спасения.

Вследствие благоволения о спасении и восстановлении падшего человека способом, сообразным со свойствами Божиими и свойствами человека, – благоволения, предвечно исшедшего от Троицкого Бога, Единородный Сын Божий *в последок дней* (Евр. 1, 2) воспринял в единство Своей ипостаси человеческое естество, кроме греха, и смертью на кресте принес Себя в жертву для искупления человеческого рода от осуждения на вечную смерть. По разрушении средостения между Божеством и человечеством смертью Искупителя, Святой Дух вселяется в душах верующих, воссозидая и возрождая их Своею зиждительною силою, утверждая их в союзе со Христом Спасителем и таким образом совершая в сердцах человеческих дело искупления.

В Священном Писании находятся ясные изречения, свидетельствующие о том, что Бог прежде создания мира предназначил верующих во Христа к вечному спасению, а также дающие видеть, в частности, участие каждого из Лиц Пресвятой Троицы в деле нашего спасения. Святой апостол Павел в Послании к Ефесеям говорит об избрании нас во Христе к святой и непорочной жизни *прежде сложения мира* (Еф. 1, 3, 4), – о предопределении нашего усыновления Богу Отцу (ст. 5), – о предназначении нас к наследию благодатных даров и блаженства (ст. 11). В Послании к Римлянам спасение во Христе Иисусе, открывшееся для всех народов, он называет тайною, *леты вечными умолчанною, явльшиюся же ныне, по повелению вечнаго Бога, в послушание веры во всех языцех погнавшиюся* (Еф. 14, 24, 25). И в других местах Новозаветного Писания (напр. Кол. 1, 26–28; Еф. 3, 9–11, ср. Деян. 2, 23) Предвечный Совет-Божество о спасении человеческого рода именуется также *тайною, сокровенною от век и от*

родов, потому что до времени воплощения Христова тайна спасения нашего была открываема с постепенностью, домостроительно предначертанною от премудрости Божией. Не прежде, как по совершении спасения Иисусом Христом и по сошествии Святаго Духа, апостолы начали во всеуслышание проповедовать сокровенную премудрость Божию, дабы *просветити всех, что есть смотрение тайны сокровенныя от веков в Бозе* (Еф. 3, 9; ср. 1 Кор. 2, 10).

В частности, на благоволителное определение в предвечном совете спасти людей чрез Единородного Сына Божия указывается в словах евангелиста: *такъ возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всякъ, веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16; ср. Пс. 39, 7-10; Ин. 17, 4; Еф. 2, 4-7; Гал. 4, 4). И Сам Господь наш Иисус Христос, говоря о деле Домостроительства спасения рода человеческого, воспринятом Им на Себя, называет сие дело *заповедию Отца* Небесного (Ин. 4, 34; 10, 17, 18; 14, 31). Святой апостол Петр, выражая мысль о предвечном предопределении нашего спасения *кровию Христа*, именует Его *Агнцем непорочным и пречистым, предуведенным прежде сложения мира, явльшимся же в последняя лета* (1 Пет. 1, 19, 20), а святой апостол Павел приводит слова Псалмопевца, в которых предызображено явление в мир этого непорочного и пречистого Агнца в такой речи Сына Божия к Богу Отцу: *жертвы и приношения не восхотел еси, тело же совершил Ми еси, всесожжении и о гресе не благоволил еси; тогда рех: се иду; в главизне книжней написася о Мне, еже сотворити волю Твою, Боже* (Евр. 10, 5-7). На принятое от века Духом Святым участие в Домостроительстве нашего спасения указывает святой апостол Павел в словах, обращенных к Солунским христианам, где спасение предназначенных и избранных ко спасению от вечности поставляется в связи с освящающим действием Святаго Духа на спасаемых: *избрал есть вас Бог от начала во спасение, во святыни Духа и веры истины* (2 Сол. 2, 13). В других изречениях Священного Писания усвояется Святому Духу благодатное возрождение и освящение верующих, а также раздаяние благодатных даров.

II

Потребность и цель вочеловечения Сына Божия

Святые Отцы называют способ искупления людей чрез вочеловечение Сына Божия «исполненным человеколюбия и украшенным правдою», и все Домостроительство нашего спасения «морем» и «полнотою» Божия человеколюбия, считая его вполне соответствующим вообще свойствам существа Божия. «Враг, уловивший человека обещанием Божества, – говорит преподобный Иоанн Дамаскин, – сам уловляется предложением ему в добычу Богопринятой плоти, и в сем открывается вместе благодать и премудрость, правда и всемогущество Божие. Благодать видна в том, что Бог не презрел немощей Собственного создания, но умилился над падшим и простер ему руку. Правда видна в том, что когда человек был побежден, Бог не другого кого делает победителем мучителя, и не силою похищает человека у смерти, но кого некогда смерть поработила себе грехом, того Благий и Правосудный снова сделал победителем, и, что казалось весьма трудным, спас подобное подобным. Премудрость видна в том, что Бог нашел наилучший способ отвлечь великое затруднение, ибо, по благоволению Бога и Отца, Единородный Сын, Слово Божие, Бог, *сый в лоне* Бога и Отца (Ин. 1, 18), Единосущный Отцу и Святому Духу, Предвечный, Безначальный, Тот, Кто был *в начале* (Ин. 1, 1), был у Бога и Отца, Бог сый, *во образе Божии сый* (Флп. 2, 6), преклоняет небеса и сходит, т. е. неуничтожаемую высоту Свою неуничтожительно унижает и снисходит к рабам Своим несказанным и непостижимым снисхождением. Будучи совершенным Богом, Он становится совершенным человеком, и совершается из всего нового новейшее и единственно новое под солнцем (Еккл. 1, 10), в чем обнаруживается бесконечное могущество Божие».

По мысли святых Отцов, вочеловечение Сына Божия было необходимо: 1) для воссоздания падшего человека и избавления его от тления и смерти; 2) для научения его истинному Боговедению и восстановления в нем помраченного грехом образа Божия; 3) для оправдания, освящения и примирения его с Богом умиловительною жертвою на кресте. Развивая эти положения, святые Отцы объясняют, что 4) ни чрез какое сотворенное существо и никаким иным способом не могло совершиться спасение человека.

1) По непреложному определению Божию (Быт. 3, 19), тление и смерть сделались уделом падшего человечества (Рим. 5, 12; 6, 23); двери рая для него были заключены, и по смерти оно не имело надежды чрез оправдание (Рим. 5, 17–21) достигнуть вечной блаженной жизни. Святитель Афанасий Александрийский в слове о воплощении Бога Слова подробно изъясняет цель воплощения Сына Божия. «Люди, – говорит святой Отец, – вознерадев и уклонившись от устремления ума своего к Богу, остановившись же мыслию на злом и измыслив себе зло, подверглись тому смертному осуждению, каким предварительно угрожал им Бог, и не остались уже такими, какими были созданы, но как помыслили, так и растлились, и смерть, воцарившись, овладела ими, потому что преступление заповеди возвратило их в естественное состояние, чтобы, как сотворены были из ничего, так и в самом бытии, со временем, по всей справедливости, потерпели тление. Если же люди, вследствие предшествовавшего преступления, – продолжает святой Отец, – однажды сделались подвластными естественному тлению и утратили благодать Божия образа, то чему иному надлежало совершиться, или в ком ином была потребность для возвращения такой благодати и для возвания человек, кроме Бога Слова, сотворившего в начале вселенную из ничего? Ему принадлежало – и тленное привести опять в нетление, и соблюсти, что всего справедливее было для Отца. Он – Отчее Слово и превыше всех, то естественно Он только один мог все воссоздать, Он один довлел к тому, чтобы за всех пострадать и за всех ходатайствовать пред Отцем. Божие Слово сжалилось над родом нашим, умилилось над немощию нашею, снизошло к нашему тлению, не потерпело обладания смерти, и чтобы не погибло сотворенное и не оказалось напрасным, что сделано Отцем Его

для людей, приемлет на Себя тело, и тело не чуждое нашему. Слово знало, что тление не иначе могло быть прекращено в людях, как только непрременной смертью; умереть же Слову, как бессмертному и Отчему Сыну, было невозможно. Для сего-то самого приемлет Он на Себя тело, которое могло бы умереть, чтобы, как причастное над всеми сущего Слова, довлекло оно к смерти за всех, чтобы ради обитающего в нем Слова пребыло нетленным, и чтобы, наконец, во всех прекращено было тление благодатию воскресения». Святитель Ириней также замечает, что «мы не могли бы получить нетления и бессмертия, если бы не соединились с нетленным и бессмертным. Но как мы могли соединиться с нетленным и бессмертным, если бы нетленный и бессмертный не соделался прежде тем, что и мы, дабы и тленное наше поглощено было нетлением, и смертное наше бессмертием?»

2) Кроме победы над тлением и смертью Искупителю надлежало привести людей к истинному Боговедению и восстановить в человеке образ Божий, помраченный грехом. Когда люди уклонились от Бога и, потеряв истинное ведение о Нем, грехом затмили в себе образ Божий, «чему, – по мысли святителя Афанасия Александрийского, – надлежало совершиться, как не обновлению созданного по образу, чтобы чрез сей образ люди опять могли познать Бога? А это могло ли совершиться, если бы не пришел Сам образ Божий, Спаситель наш Иисус Христос? – Для дела сего не довлек никто другой кроме Отчего образа. Всесвятый Сын Отца, как Отчий образ, пришел в наши страны, чтобы обновить человека, созданного по сему образу, и как бы взыскать погибшего оставлением грехов, как и Сам говорит в Евангелиях: *прииде взысками и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11)», потому что «не надлежало погибнуть соделавшимся однажды участниками Божия образа».

Святитель Афанасий Александрийский пишет: «Посему-то, желая оказать людям верную помощь, Слово Божие приходит как человек, приемля на Себя тело, подобное телам человеческим». «Поелику – продолжает святой Отец, – мысль человеческая однажды ниспала в чувственное, то Слово благоволило соделать Себя видимым посредством тела, чтобы, став человеком, обратить на Себя внимание людей, отвлечь к Себе чувства их, и когда увидят Его человеком, теми делами, какие Он производит, убедить их наконец, что Он не только человек, но и Бог, Слово и Премудрость истинного Бога». Притом, по причине ограниченности и слабости человеческого естества, для научения людей Сыну Божию необходимо было «прикрыть величие Божества немощию человечества». «Поелику не могли мы, – замечает святитель Кирилл Иерусалимский, – видеть того и насладиться тем, что Сын Божий Сам в Себе, то соделался Он тем, что и мы, чтобы таким образом сподобились мы насладиться Им. Поелику опытом (праведных Ветхого Завета, не могших выносить даже Ангельских явлений) была доказана немощь наша, Господь воспринял на Себя то, чего требовал человек. И поелику человек требовал, чтобы слышать от подобообразного ему, то Спаситель воспринял на Себя подобострастное нам, чтобы с большим удобством люди были научены».

3) Наконец, Искупителю человеческого рода надлежало очистить и освятить наше естество, растрепанное грехом, исхитить нас из плена диавола (2 Тим. 2, 26; Ин. 12, 31; 1 Ин. 3, 8) и рабства греху (Рим. 6, 20), избавить нас от *клятвы* (Гал. 3, 13) и *осуждения* (Рим. 5, 18) за грех, принести Себя в умиловительную жертву правде Божией (Мф. 20, 28; Кол. 1, 14; Еф. 1, 7) и этой великою жертвою изгладить наши грехи (1 Ин. 1, 7; Евр. 9, 13, 14; Лк. 24, 47; Тит. 2, П-14), *примирить* (Кол. 1, 19–22; Рим. 5, 10), воссоединить (Еф. 2, 13, 18) и усыновить (Гал. 4, 4, 5) нас Богу. Все это Искупителю мог совершить, приняв естество человеческое. Бог мог научать нас и беседовать с нами, – говорит святитель Григорий Богослов, – «как прежде в купине огненной, и в человеческом образе. Но чтобы разрушить осуждение греха, освятив подобное подобным, нужны были Ему как плоть ради осужденной плоти и душа ради души, так и ум ради ума, который в Адаме не только пал, но первый был поражен». В другом месте святой Отец развивает ту же мысль: «поелику чрез преступное вкушение пал целый Адам, то пришел Бог и вместе смертный, сочетавший воедино два естества – одно сокровенное и другое

видимое для людей, и из которых одно было Бог, а другое родилось для нас в последок дней. В двух естествах единый есть Бог – мой Царь и Христос, потому что соединен с Божеством и из Божества стал Человеком, чтобы, явившись среди земнородных другим новым Адамом, уврачевать прежнего Адама. Но Он явился, закрывшись отвсюду *завесой* (Евр. 10, 20), потому что иначе невозможно было бы приблизиться к моим немощам, и притом нужно было, чтобы змий, почитающий себя мудрым, приступив к Адаму, сверх чаяния встретил Бога и о крепость Его сокрушил свою злобу, как шумное море сокрушается о твердый утес». Правда Божия требовала, чтобы наш Искупитель, как *новый Адам* (1 Кор. 15, 45), приняв на Себя посредничество (1 Тим. 2, 5; Евр. 8, 6; 9, 15; 12, 24) между Богом и людьми, принес достаточное удовлетворение за грех древнего Адама. Между тем, «посредник, – как говорит святитель Иоанн Златоуст, – должен быть в сродстве с тем и другими, чтобы быть ему посредником. Если он будет иметь сродство только с одним, а с другими нет, то не может быть посредником. Если бы Он не имел естества, единого с Отцем, не был бы посредник, но чуждый. Как надлежало Ему иметь естество человеческое, потому что Он пришел к людям, так надлежало иметь и Божеское естество, потому что пришел от Бога. Будучи только человеком, Он не был бы посредником, ибо посредник должен быть в ближайшем отношении к Богу. Равно и будучи только Богом, не был бы посредником, ибо не могли бы приближаться к Нему те, за которых Он посредствует». И святитель Ириней замечает: «Ходатаю Бога и человеков надлежало чрез Собственное сродство с Тем и другими привести обе стороны к содружеству и согласию, и Богу представить человека, а человекам открыть Бога». С другой стороны, грех такое зло, по выражению святителя Димитрия Ростовского, что «человек сам собою, без содействия милосердия Божия, никогда не может вполне удовлетворить за него, хотя бы и жил тысячу лет, проводя эти годы в покаянии, трудах, посте, молитве и слезах. Один грех Адамов, сделанный в раю, был такой тяжести, что многие слезы всех святых праотцев и кровь, пролитая святыми пророками, не могли заплатить за него: нужно было, чтобы Сам Сын Божий, сошедший с неба, воплотился и пострадал, и Своею кровию воздал долг правосудию Божию за грех человеческий». И что может человек найти столько ценное, спрашивает святитель Василий Великий, чтобы «дать в искупление души своей? Но нашлось одно равноценное всем вместе людям, что и дано в цену искупления души нашей, – это святая и многоценная кровь Господа нашего Иисуса Христа, которую Он пролил за всех нас». Таким образом, Искупителю, взявшему на Себя дело примирения, надлежало пострадать и сделаться «жертвою за всех, вместо всех предавая на смерть храм Свой, чтобы всех соделать свободными от ответственности за древнее преступление. Нужна была смерть и надлежало совершиться смерти за всех в исполнение долга, лежащего на всех. Посему-то, поелику невозможно было умереть Слову, потому что Оно бессмертно, прияло Оно на Себя тело, которое могло умереть, чтобы, как Свое собственное, принести его за всех, и как за всех пострадавшему, по причине пребывания Своего в теле, *упразднить имущаго державу смерти, сиречь диавола, и избавить сих, елицы страхом смерти повинни беша работе* (Евр. 2, 14–15)» (святитель Афанасий Александрийский). Для заглаждения Адамова греха, по учению святых Отцов, «Бог примесился к плоти чрез посредство души, и далекое между собою совокуплено чрез сродство посредствующего с тем и другим: все соединилось воедино за всех и за единого праотца, – душа за душу преслушную, плоть за плоть, покорившуюся душе и вместе осужденную; Христос, не причастный греху и высший греха, за Адама, бывшего под грехом; за каждый наш долг воздано особо Тем, Кто превыше нас, – древо за древо и руки за руку: руки мужественно распростертые, за руку, невоздержно простертую; руки пригвожденные за руку своевольную, руки, совокупающие воедино концы мира, за руку, извергшую Адама, – вознесение на крест за падение, желчь за вкушение, терновый венец за худое владычество, смерть за смерть, тьма для света, погребение за возвращение в землю, воскресение для воскресения» (свт. Григорий Богослов). «Не себя пришел спасти бессмертный Бог, но умерщвленных; не за Себя пострадал, но за нас; и посему-то восприял на Себя наше уничтожение и нашу

нищету, чтобы даровать нам богатство Свое. Страдание Его есть избавление от страдания; смерть Его – наше бессмертие; слезы Его – наша радость; погребение Его – наше воскресение; язва Его – наше исцеление, ибо *язвою Его мы исцелехом* (Ис. 53, 5); наказание Его – наш мир, ибо *наказание мира нашего на Нем*, т. е. для нашего мира Он наказуется; беславие Его – наша слава; сошествие Его – наше восшествие» (свт. Афанасий Александрийский); «победа Его есть наша победа, ибо и поражение прародителя нашего было общим всех нас поражением» (свт. Кирилл Александрийский). Вообще, как говорит преподобный Ефрем Сирин, «исследование о Единородном Сыне – необъятное море», и «заслуги Спасителя, совершенные чрез вочеловечение Его, – по выражению святителя Афанасия Александрийского, – столь велики и многочисленны, что пожелать изобразить их значило бы уподобиться человеку, который устремил взор на морскую пучину и хочет перечесть ее волны. Как невозможно объять глазами всех волн, потому что чувству, покусившемуся на это, представляются непрестанно новые и новые волны, так и намеревающемуся объять умом все заслуги, совершенные Христом в теле, невозможно даже вместить их в помысл, потому что вновь представляющиеся мыслям его гораздо многочисленнее тех, которые, как он думает, объял уже мыслию». Если так необъятно высоки и неисчислимы для нас плоды вочеловечения Сына Божия, то непроницаемы для нашей ограниченности и причины вочеловечения Его, сокрытые в безднах премудрости Божией: *кто бо разуме ум Господень или кто советник Ему бысть?* (Рим. 11, 34).

Почему Бог не совершил спасение людей «одним мановением, как соделал то древле, когда создал мир из ничего?» «Древле, – отвечает тот же святитель Афанасий Александрийский, – когда еще вовсе ничего не существовало, для создания вселенной потребно было одно мановение и изволение. Когда же человек создан и нужда потребовала у врачевать не то, чего не было, но что уже сотворено, тогда Врачу и Спасителю следовало прийти к сотворенному уже, чтобы у врачевать существующее. Посему-то соделался Он человеком, и в действие употребил человеческое орудие – тело. А если бы не сей надлежало употребить способ, то как иначе должно было прийти Слову, когда пожелало Оно действовать орудием? Или, откуда должно было взять сие орудие, как не из того, что сотворено уже и имело нужду в Божестве Его, по причине подобия? В спасении имело нужду не что-либо несуществующее, для чего достаточно было бы одного повеления: напротив того, растлен был и погибал сотворенный уже человек. Посему-то Слово справедливо и прекрасно употребило человеческое орудие».

Почему Бог не совершил нашего спасения чрез тварь? Потому что, в таком случае, «человек все еще оставался бы смертным, не сочетаясь с Богом, тварь не сочетала бы тварей с Богом, и сама требуя сочетавающаго, и одна часть твари не могла бы служить спасением для всей твари, сама имея нужду в спасении; с тварию всегда вел бы брань диавол, который также тварь, и человек, будучи посредником, сам оставался бы всегда повинным смерти не имея у себя, о ком и кем соделаться бы ему свободным от всякого страха, сочетавшись с Богом». «Какая была бы помощь подобным от подобных, которые сами имеют нужду в этой же помощи?» (свт. Афанасий Александрийский).

Почему – спрашивает святой Отец – «явил Себя Господь не в других лучших частях твари, и в орудие употребил не что-либо лучшее, например: солнце, или луну, или звезды, или огонь, или эфир, но одного человека?» – и отвечает: «Господь пришел не показать Себя, но у врачевать и научить страждущих; ибо явиться только и поразить зрителей значило бы прийти на показ. Врачующему же и научающему свойственно было не просто прийти, но послужить к пользе имеющих нужду в помощи, и явиться так, чтобы сие было стерпимо для нуждающихся, и чем-либо превосходящим потребности страждущих, не были приведены в смущение требующие помощи, от чего и Божие пришествие соделалось бы для них бесполезным».

Почему спасение людей не совершено чрез Ангелов? «Они, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – не могли убедить людей, и, убедив, освободить от диавола; ведь не было никакой пользы убедить их, не связав владетеля (диавола), ровно не было бы никакой пользы связать

владельца, когда бы содержимые под властью его не захотели избавиться. Надлежало сделать и то и другое: Ангелы ни того, ни другого не могли сделать». Почему же Слово Божие, восхотев соединиться с Своими тварями, «соединилось не с совершеннейшим естеством, т. е. с Ангельским, имеющим нечто близкое и сродственное с Ним по невещественности, но с естеством нашим, тленным и перстным? По причине высочайшей и божественной. Если бы Слово соединилось с естеством Ангельским, – рассуждает блаженный Симеон, архиепископ Солунский, – то одно только это естество и вошло бы в общение с Ним, и оно не приняло бы спасения, т. к. оно уже спасено, а только возвысилось бы и возведено было к высшему совершенству, удостоившись общения с Богом. Всякая же другая тварь не получила бы от этого никакой пользы, но продолжала бы оставаться в тлении, и особенно падший человек, ради которого получила бытие вся видимая тварь и чрез которого подверглась она тлению».

Почему, наконец, вочеловечился Сын Божий, а не Отец и не Дух Святой? На этот вопрос отвечает преподобный Иоанн Дамаскин: «Отец есть Отец, а не Сын, Сын есть Сын, а не Отец; Дух есть Дух Святой, а не Отец и не Сын, ибо личное свойство неизменяемо. Иначе как оно пребыло личным свойством, если бы изменялось и сообщалось? Посему Сын Божий делается Сыном Человеческим, чтобы личное свойство пребыло неизменяемым. Будучи Сыном Божиим, Он сделался Сыном Человеческим, воплотившись от Святой Девы и не оставив свойства, составляющего отличительный признак Сына». Притом, как замечает святитель Афанасий Александрийский, «преложить тленное в нетление не иному кому принадлежало, как Спасителю, и в начале сотворившему вселенную из ничего (Ин. 1, 3); в людях снова воссоздать образ – не иному кому было свойственно, как Отчему Образу (Евр. 1, 3); смертное воскресить бессмертным – не иному кому было свойственно, как источной жизни (Ин. 1, 4) – Господу нашему Иисусу Христу; научить об Отце, упразднить же идольское служение – не иному кому принадлежало, как вселенную приводящему в благоустройство Слово, Единому, Единородному, Истинному Отчему Сыну» (ст. 18).

III

Учение Православной Церкви о Господе нашем Иисусе Христе

Учение, проповедуемое Православной Церковью о Господе нашем Иисусе Христе, основано на Священном Писании, раскрыто и объяснено святыми Отцами и навсегда определено и утверждено Вселенскими Соборами. Оно составляет сущность и средоточие христианской веры, как видно из слов святого апостола Павла: *мы проповедуем Христа распята* (1 Кор. 1, 23); *не судих ведети что в вас, точно Иисуса Христа, и Сего распята* (2, 2). Господь Иисус Христос есть *Начальник нашей веры* (Евр. 12, 2). *Святитель исповедания нашего* (3, 1), *и несть иного имене под небесем, даннаго в человецех, о Немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12). По своей непостижимости учение о воплощении Сына Божия великая тайна, приемлемая благоговеиною верою: *велия есть, по слову апостола, благочестия тайна: Бог явися во плоти* (1 Тим. 3, 16).

Учение Православной Церкви о Господе Иисусе Христе состоит из двух частей: 1) изучения о Самом Лице Его, т. е. о тайне воплощения, и 2) из учения о совершении Им нашего спасения, т. е. о тайне искупления.

1.

Православная Церковь учит, что в Иисусе Христе два естества – А) Божеское и Б) человеческое, и что В) при сих двух естествах в Нем одно Лицо, или ипостась.

А. Господь наш Иисус Христос есть истинный Бог, а именно второе Лицо Пресвятой Троицы Сын Божий. Эта священная истина лежит в основании всего Нового Завета, ее а) возвещает Сам Христос Спаситель, б) проповедуют ученики Его и в) исповедует Святая Церковь, начиная с Апостольского века.

1) Христос Спаситель а) называет Себя Единородным Сыном Божиим, веру в Божество Свое полагает необходимым условием спасения (Ин. 3, 16, 36; 6, 47) и представляет ее делом Божиим: *се есть дело Божие, да веруете в Того, Егोजе посла Он* (ст. 29); б) именует Бога Отца Своим Отцем (Ин. 15, 1, 15); в) указывает на Свое единосущие с Отцем (Ин. 10, 30; 14, 10, 11) и совершенное равенство с Ним (5, 17, 19, 21; 16, 15; 17, 10), а при таком единосущии и равенстве Сына с Отцем – *никтоже знает Сына, токмо Отец, ни Отца кто знает, токмо Сын, и ему же аще волит Сын открыты* (Мф. 11, 27; Ин. 8, 19); г) говорит о Себе, что для совершения воли Отца о спасении людей шел с неба (Ин. 6, 38), – от Бога (16, 27; 13, 3), – от Отца (16, 28); д) усвоит Себе Божеские свойства, а именно – вечность (Ин. 8, 58; 17, 5), самобытность (5, 26), вездесущие (3, 13; 14, 23; Мф. 18, 20), всемогущество, выразившееся в совершении чудес, *ихже ин никтоже сотвори* (Ин.

15, 24), и показавшее, что Он как Бог имеет власть не над телом только, но и над душою (Мф. 9, 6); е) учит, как имеющий Божественную власть (Ин. 7, 46. Мф. 24, 35); ж) представляет Себя верховным Судиею человеческого рода (Ин. 5, 22), – награждающим (10, 28) и наказывающим (Мф. 13, 41, 42); з) как Бог, дает ученикам Своим силу чудес (Мк. 16, 17, 18; Лк. 10, 19), обещает им премудрость (Лк. 21, 15), ободряет их надеждою на получение просимого (Ин. 14, 13, 14; 16, 23), утешает обетованием Святаго Духа (15, 26), и) защищает Божество Свое против неверующих иудеев. Иудеи, слыша слова Господа, научившие их вере в Божество Его, роптали и говорили: *не сей ли есть Иисус, сын Иосифов егोजе мы знаем отца и мать? како убо глаголет сей, яко с небесе снидох?* (Ин. 6, 42). Даже – *искаху Его убити, яко не токмо разоряше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равен Ся творя Богу* (5, 18), или, в дру-

гой раз, взята камене иудее, да побьют Его – глаголюще: о добре деле камене не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты, человек съий, твориши Себе Бога (10, 30, 33). Но Господь постоянно и с особенною силою доказывает иудеям Свое Божество и при этом ссылается на свидетельства: Иоанна Крестителя, который *свидетельствова о истине* (5, 33), назвав Иисуса Христа Сыном Божиим, спешшим с неба и *сущим над всеми* (3, 31–36), – Отца Небесного, сказавшего о Нем: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный, о Немже благоволих* (5, 37; Мф. 3, 17), – Своих чудесных дел (Ин. 5, 36) и ветхозаветных писаний (ст. 39). Наконец к) Господь утверждает истину Своего Божества самою Своею смертию. Когда привели Его на суд к первосвященнику Каиафе, то, по выслушании многих лжесвидетелей, архиерей торжественно спросил Его: *заклинаю Тебя Богом живым, да речеши нам, аще Ты вси Христос Сын Божий?* (Мф. 26, 63; Мк. 14, 61). Иисус Христос прямо и решительно отвечал всему собранию: *Аз есмь, и узрите Сына Человеческого одесную сядяща силы и грядуща со облаки небесными* (Мк. 14, 62). Тогда архиерей *растерза ризы своя, глаголя, яко хулу глагола: что еще требуем свидетелей? се ныне слышасте хулу Его. Что вам мнится? Они же отвецавшие реша: повинен есть смерти* (Мф. 26, 65, 66). Потом иудеи, приведши Иисуса к Пилату, сказали ему: *мы закон имамы, и по закону нашему должен есть умерети, яко Себе Сына Божия сотвори* (Ин. 19, 7). Но и пред Пилатом Господь исповедал Свое Божество в той мере, в какой мог понять язычник; на вопрос его: *убо царь ли вси Ты?* – отвечал: *ты глаголеши, яко царь Аз есмь; Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину; царство Мое несть от мира сего* (Ин. 18, 36, 37).

2) Эту веру в Божество Господа Иисуса Христа апостол Петр от лица всех апостолов исповедал пред Самим Господом, когда на вопрос Его: *вы же кого Мя глаголете быти?* – отвечал: *Ты вси Христос Сын Бога живаго* (Мф. 16, 15, 16). На этой вере, как на краеугольном камне, Господь обетовал непоколебимо основать Свою Церковь (ст. 18). Святые апостолы в своих писаниях, почитая себя *слугами и проповедниками Христовыми* (1 Кор. 4, 1; 2 Кор. 4, 5), приписывают Господу все, что приличествует единому истинному Богу, а именно: а) Божеские имена. Они называют Его – Сыном Божиим собственным (Рим. 8, 32; Гал. 4, 4), – Богом (Ин. 1, 1, 14), – Богом Воплощенным (1 Тим. 3, 16), – Богом Истинным (1 Ин. 5, 20), – Богом Великим и Спасителем (Тит. 2, 11–13), – Богом Благословенным (Рим. 9, 5), – Господом (1 Кор. 8, 6), – Господом Славы (2, 8); б) Божеское естество и равенство с Богом Отцем (Кол. 2, 9; Флп. 2, 6); в) Божеские свойства, как то: вечность и неизменяемость (Евр. 1, 10–12; 13, 8; Апок. 22, 13; 1, 10, 17; 2, 8), всеведение (Ин. 2, 24, 25; 21, 17; Кол. 2, 3), всемогущество (Евр. 1, 3); г) Божеские действия, как то: творение (Ин. 1, 3; Кол. 1, 16), промышление (Кол. 1, 17), владычество (Деян. 10, 36; Иуд. 4; Откр. 19, 16); д) Божеское почтение. Апостолы научают веровать в Господа (Деян. 16, 31; 20, 21; 1 Ин. 3, 23); надеяться на Него, как на *упование наше* (1 Тим. 1, 1; Кол. 1, 27), любить Его (1 Кор. 16, 22), поклоняться Ему (Флп. 2, 9, 10; Евр. 1, 6), исповедовать Его (1 Ин. 4, 15; Рим. 10, 9), призывать Его в молитвах (Рим. 10, 13; Деян. 22, 16).

Если в Священном Писании есть места, которые, будучи неправильно поняты, представляются как бы противоречащими Божеству Иисуса Христа то для объяснения их не должно упускать из вида, что Господь наш не только Бог, но и человек, *во днех плоти Своя* (Евр. 5, 7) добровольно находившийся в состоянии самоуничужения (Флп. 2, 7, 8). В подобных выражениях нет ничего несообразного с Божественным величием, как говорит святитель Иоанн Златоуст: «говорить о Себе несколько уничиженно и смиренно Тому, Кто равен Отцу, – это не подлежит ни малейшему осуждению и порицанию, напротив, заслуживает похвалу и величайшее удивление», и, объясняя причины того, что «Сам Господь о Себе и апостолы о Нем сказали много уничижительного», продолжает: «первая и самая важная причина – та, что Он облекся плотию и хотел, чтобы все люди, как тогдашнего, так и последующих времен, уверовали, что подлежащее (в Нем) зрению не есть какая-либо тень или просто только вид, но существенная истина; много вещает Он о Себе человеческого и уничиженного и не свойственного неизреченному существу, чтобы утвердить веру в Домостроительство. Другая причина – немощь слуша-

телей и неспособность видевших и слышавших Его принять наставление в высших догматах; Он низводил Свое учение к низшим предметам ради того, что они еще не могли принимать учение о великих предметах. Итак, когда увидишь, что Он говорит о Себе уничижительно, почитай сие снисхождением не по низости существа Его, но по немощи ума слушателей. Он многое говорил о Себе и делал уничижительное не только потому, что облекся плотию, не только ради немощи слушателей, но и для того, чтобы научить слушающих смиренномудрию. Вот и третья причина. Можно указать и четвертую причину, которая немаловажнее вышесказанных. Это – та, чтобы, по великой и неизъяснимой близости ипостасей (между собою), мы не впали в ту мысль, будто (в Божестве) одно Лицо. Впрочем, не эти только причины, но (к ним присовокупляется) и то, чтобы кто-либо не подумал, будто Он есть первая и нерожденная сущность, и чтобы, следовательно, не представлял себе Его высшим Отца». Святитель Григорий Богослов указывает и самый способ правильного толкования речений, встречающихся в Священном Писании об Иисусе Христе: «вообще речения более возвышенные относи к Божеству и к природе, которая выше страданий и тела, а речения более уничижительные к Тому, Кто сложен, истощил Себя и воплотился». Такое же правило преподает и преподобный Иоанн Дамаскин: «все высокое должно приписывать Божескому естеству, бесстрастному и бестелесному, все уничиженное – человеческому, а то и другое вместе – сложной ипостаси, т. е. Единому Христу, Который есть Бог и человек; и надобно знать, что то и другое принадлежит одному и тому же Господу нашему Иисусу Христу. Зная, что свойственно каждому естеству, и не теряя из вида, что свойственное тому и другому естеству совершается единым Лицом, будем верить право и не погрешим».

3) Чему учил Господь Иисус Христос, что проповедали апостолы, тому веровала древняя Христианская Церковь, хранительница истинно Апостольского предания, признавая Божество Господа, и свою веру выражала в изречениях пастырей и учителей, в исповеданиях мучеников, в символах, употреблявшихся в Поместных Церквах, и в определениях Соборов, а) Из мужей апостольских – святитель Игнатий Богоносец в Послании к ефесским христианам пишет: «один врач телесный и духовный, рожденный и нерожденный, Бог в человеке, в смерти истинная жизнь, от Марии и от Бога, сперва подверженный, а потом не подверженный страданию, Господь наш Иисус Христос»; – к смирским христианам: «Господь наш Сын Божий, по плоти истинно произошел от рода Давидова, по воле и силе Божественной истинно родился от Девы»; в других посланиях называет Господа «вечным Словом, Сыном Божиим», «Богом нашим», «Богом, явившимся в человеческом образе», кровь Его – «кровию Бога» и страдания – «страданиями Бога»; святитель Поликарп приветствует филиппийских христиан следующими словами: «милость и мир от Иисуса Христа – Бога Вседержителя, Господа и Спасителя нашего, да умножится вам», и говорит, что Иисусу Христу «повинуется все небесное и земное, и служит всякое дыхание». Из святых Отцов и учителей II и III вв. – святой Иустин утверждает, что Иисус Христос есть «первородное Слово Божие и Бог», и, обращаясь к иудеям, замечает: «если бы вы тщательнее размышляли о сказанном пророками, вы не стали бы отвергать, что Христос есть Единый Бог и Сын нерожденного Бога»; святитель Ириней говорит, что «все пророки и апостолы и Сам Дух именуют Иисуса Христа в собственном смысле Богом, и Господом, и Царем Вечным, и Единородным, и Словом воплощенным», и свидетельствует, что в его время вся Церковь веровала «во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения»; преподобный Дионисий Александрийский в особом послании исповедует, что «Христос единосущен Богу» и «имеет вечное бытие, как Слово, и Премудрость, и Сила»; святой Мефодий Патарский в слове о Симеоне и Анне выражается: «Дева без мужа родила Первенца, Единородного от Отца Сына, родила Того, Который в вышних без матери просиял из сущности единого Отца»; в слове в неделю ваий: «благословен грядый во имя Господне – Бог истинный во имя Бога истинного, Вседержитель от Вседержителя, Сын во имя Отца, Царь истинный от истинного Царя, имеющий царство, как и Родивший Его, вечное и предвечное».

Не менее ясные свидетельства о Божестве Господа находятся и у других святых Отцов и учителей Церкви II и III вв., как то: Тациана, Тертуллиана, Климента Александрийского, Ипполита, Киприана, Арнобия, Петра Александрийского. б) Святые мученики запечатлели кровию свою веру в Божество Господа нашего Иисуса Христа. В течение первых трех веков христианство испытывало постоянные гонения – сначала от иудеев, а потом от язычников. Все страдалцы, начиная с первомученика архидиакона Стефана, исповедавшего пред кончиною своею *Сына человека, одесную стояща Бога* (Деян. 7, 56), с радостью шли на смерть за имя Христово, и на увещания язычников отречься от Христа отвечали всенародным прославлением Его как истинного Бога. Ничто не могло победить несокрушимого мужества этих исповедников Христовых; самые жестокие мучения они переносили в молчании, возбуждая своим терпением непритворное удивление в самых мучителях своих, как замечает один древний, современный гонениям писатель: «что говорить о мужах? – дети и наши женщины, вдохновляемые терпением, небрегут о крестах, пытках, зверях и всех ужасах мучений», и, обращаясь к язычникам, выражается: «вы не понимаете, жалкие, что не найдется ни одного человека, который пожелал бы подвергнуться страданию без достаточного побуждения, или же мог бы перенести мучения без помощи Божией». в) В символах или исповеданиях веры, бывших в употреблении в христианских церквях до IV в., Иисус Христос называется «Сыном Божиим Единородным, Иже от Отца рожденным прежде всех век, Богом Истинным, Имже вся быша», «единым от единого, Богом от Бога, силою, сотворившею все твари, истинным Сыном истинного Отца, невидимым от невидимого, бессмертным от бессмертного, вечным от вечного», «Словом Божиим, Богом от Бога, Сыном Единородным, перворожденным всея твари, прежде всех век от Бога Отца рожденным», г) На Соборе Антиохийском (269 г.) было разобрано и осуждено лжеучение Павла Самосатского, отвергавшего Божество Иисуса Христа, и отцы Собора писали еретику: «мы рассудили письменно изложить ту веру, которую мы сначала приняли, которая предана нам и содержится в кафолической и Святой Церкви даже до сего дня, по преемству от блаженных апостолов, бывших самовидцами и служителями Слова (Лк. 1, 2), и которая возвещается в Законе, Пророках и Новом Завете. Вот она: Бог нерожден, един, безначален, невидим... Сына Его, познав из Ветхого и Нового Заветов, мы исповедуем и проповедуем рожденным, Единородным Сыном, образом невидимого Бога, перворожденным всея твари (Кол. 1, 15), Премудростию, и Словом, и Силою Божиею (1 Кор. 1, 24), существующею прежде веков, Богом не по предведению, но по существу и ипостаси, Божиим Сыном... И все Боговдохновенные Писания представляют Сына Божия Богом». На Никейском I Вселенском Соборе, по осуждению лжеучения Ария (325 г.), установлено на все времена веровать «во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша».

Б. Господь наш Иисус Христос, будучи совершенным Богом, есть вместе совершенный человек (кроме греха), воплотившийся по наитию Святаго Духа от Пречистой Приснодевы Марии. Эта истина а) раскрыта в Священном Писании с очевидностию, не допускающею никаких сомнений, и б) исповедуется Святой Церковью, начиная с апостольского века.

1) Евангелисты с особенной подробностью повествуют об обстоятельствах рождения Иисуса Христа, а именно: а) о благовестии Ангела Деве Марии (Лк. 1, 31, 35); б) о вразумлении Иосифа (Мф. 1, 20, 21); в) о самом рождении (Лк. 2, 6, 7); г) о поклонении пастырей, которые *обретоша Мариам же и Иосифа, и Младенца лежаща во яслех* (ст. 16); д) о пришествии волхвов с Востока, которые, *пришедши в храмину, видеша Отроча с Мариею Матерью Его* (Мф. 2, 11); е) об обрезании и принесении в храм, где Симеон приял Младенца *на руку своею* (Лк. 2, 21–38). Евангелисты Матфей и Лука в доказательство того, что Иисус Христос по плоти происходил от семени Авраама (Быт. 22, 18), Исаака (26, 4) и Иакова (28, 14), излагают родословие Его, – первый в линии нисходящей, начиная с Авраама, а второй – в восходящей до Адама (Мф. 1, 1–17; Лк. 3, 23–38). А евангелист Иоанн, изобразив Божество Иисуса Христа

как Слова Божия, говорит: *Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, славу, яко Единородного от Отца, исполнь благодати и истины* (Ин. 1, 14), и в своем послании замечает: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть, и всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть и сей есть антихристов* (1 Ин. 4, 2, 3). Излагая земную жизнь Иисуса Христа, евангелисты замечают, что Он проходил по городам и селениям, *благодательствуя и исцеляя вся* (Деян. 10, 38), и повсюду был признаваем за истинного человека, так что, по выражению отечественного богослова, «ни разу не встречал надобности удостоверять кого-либо в истине Своего человечества». Сам Господь называл Себя человеком (Ин. 8, 40), и особенно часто – Сыном Человеческим. Святые апостолы также называли Его потомком Давида по плоти (Рим. 1, 3; 9, 5), мужем (Деян. 17, 31), другим Адамом (1 Кор. 15, 45–49), и вообще человеком: *един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5; Рим. 5, 15; 1 Кор. 15, 21, 47).

В частности, в Священном Писании усваются Господу обе части человеческой природы – тело и душа, со свойственными им проявлениями.

О теле Своем говорит Господь, восхваляя подвиг любви жены, помазавшей Его на вечери: *возлиявши сия миро сие на тело Мое, на погребение Мя сотвори* (Мф. 26, 12). О теле Его говорят также евангелисты, излагая обстоятельства погребения и воскресения Его (Мф. 27, 58, 59; Мк. 15, 43, 45; Лк. 23, 52, 55; 24, 3; Ин. 19, 38, 40; 20, 12; ср. 1 Пет. 2, 24). В том, что тело Иисуса Христа было истинное, а не призрачное, Он Сам уверял Своих учеников, явившись им по воскресении: *осяжите Мя и видите, яко дух плоти и кости не имать, якоже Мене видите имуща* (Лк. 24, 39), и в другой раз сказал Фоме: *принеси перст твой семо и виждь рuce Мои, и принеси руку твою и вложи в ребра Мои и не буди неверен, но верен* (Ин. 20, 27). Христово тело имело все части человеческого тела, как то: голову (Мф. 27, 29, 30; Лк. 7, 46; Ин. 19, 30), руки и ноги (Мф. 28, 9; Лк. 24, 39, 40; 7, 38, 44; Ин. 12, 3), персты (Ин. 8, 6), колена (Лк. 22, 41), голени (Ин. 19, 33), ребра (Ин. 19, 34; 20, 27), плоть и кровь (Евр. 2, 14; Еф. 2, 13, 14; Деян. 20, 28; Лк. 22, 19, 20). Оно чувствовало голод (Мф. 4, 2; 21, 18; Лк. 4, 2) и жажду (Ин. 19, 28), имело нужду в пище и питии (Мф. 11, 19; Лк. 7, 34, 36; 22, 8, 15; 24, 43), подвергалось усталости (Ин. 4, 6), предавалось отдохновению и сну (Мф. 8, 24; Мк. 4, 38; Лк. 8, 23), испытывало страдания (Мф. 27; Лк. 22, 41–44), вкусило смерть и было погребено (Мф. 27, 50–61; Мк. 15, 39–47; Лк. 23, 46–53; Ин. 19, 30, 38–42).

Не менее ясные свидетельства Священного Писания удостоверяют в том, что Господь Иисус Христос имел и другую половину человеческого естества – душу или дух. Он Сам говорил ученикам Своим в саду Гефсиманском: *прискорбна есть душа Моя до смерти* (Мф. 26, 38), а евангелисты, повествуя о смерти Его на кресте, выражаются – Матфей: *Иисус паки возопив гласом велиим, испусти дух* (27, 50); Марк: *Иисус же пуць глас велий, издише* (15, 37); Лука: *возглаголь гласом велиим Иисус рече: Отче, в рuce Твои предаю дух Мой, и сия рек издише* (23, 46); Иоанн: *егда же прият оцет Иисус, рече: совершишиася, и преклонь главу, предаде дух* (19, 30). Душе Его усваются ум (Лк. 2, 40, 52) и воля (22, 42), а также и проявления, обычные человеческому духу: повествуется, что Иисус Христос иногда радовался (Лк. 10, 21; Ин. 11, 15), негодовал (Мк. 10, 14), возмущался духом (Ин. 11, 33; 12, 27; 13, 21), скорбел и тужил (Мф. 26, 37).

2) Святая Церковь выражала свою веру в вочеловечение Сына Божия как в символах, бывших в употреблении у древних христиан, и определениях Соборов Поместных и Вселенских, составлявшихся для опровержения заблуждений еретиков относительно Лица Богочеловека, так и в изречениях святых Отцов и учителей, излагавших православное учение. Сюда относятся те свидетельства святых Отцов, которые вообще говорят о потребности и цели вочеловечения Сына Божия. Иисусу Христу надлежало воспринять человеческое естество, чтобы примирить падшее человечество с Богом умиловительной жертвою на кресте, восстановить в человеке помраченный грехом образ Божий и научить людей истинному Боговедению, освятить и обновить растленное грехом человеческое естество и избавить человеческий род от

смерти и власти дьявола. Как Ходатай и Посредник между Богом и людьми, Он имел, по выражению святых Отцов, «сродство с Тем и другими» (свт. Иоанн Златоуст, Иринеи); как Искупитель, Он «приял на Себя тело, которое могло умереть, чтобы, как Свое собственное, принести его за всех» (свт. Афанасий Александрийский); как Учитель и Просветитель, Он «воспринял на Себя подобострастное нам, чтобы с большим удобством люди были научены» (свт. Кирилл Иерусалимский); как Восстановитель павшего человека, Он разрушил осуждение греха, «освятив подобное подобным» (свт. Григорий Богослов); наконец, как Победитель смерти и ада, Он «соделался тем, что и мы, дабы тленное наше поглощено было нетлением и смертное наше бессмертием» (свт. Иринеи). Вопреки лжеучению еретиков святые Отцы утверждали, что человеческое тело, воспринятое Господом, было истинное, а не кажущееся или только призракное. Почитать человеческое естество во Христе мнимым, а не действительным, значит, по мысли святых Отцов, отвергать истину смерти Его и нашего спасения, т. е. разрушать дело Божие в самом основании. «Вочеловечение совершилось, – говорит святитель Кирилл Иерусалимский, – не в призраке, не мечтательно, но в действительности; не как чрез трубу Он прошел чрез Деву, но истинно от Нея воплотился, истинно питался от Нея млеком, действительно подобно нам ел и действительно подобно нам пил. Ибо если вочеловечение было мечта, то и спасение – мечта». Если тело Господа, замечает преподобный Иоанн Дамаскин, «не одной с нами сущности и все, о чем повествует Евангелие, именно голод, жажда, гвозди, прободение ребра, смерть, было не действительно, а только мнимо, – то и тайна Домостроительства спасения есть призрак и обман, и Христос был мнимым и недействительным человеком, а мы спасены мнимо, а не действительно».

Притом, т. к. в падении человека преимущественно участвовала душа и человек пал всецело – телом и душой, то святые Отцы доказывали, что Искупитель наш воспринял все естество наше – и тело, и душу. «Утверждаем, – говорит преподобный Иоанн Дамаскин, – что вся сущность Божества соединилась со всем человеческим естеством. Бог Слово, создавший нас в начале, не отверг ничего, дарованного Им нашему естеству, но принял на Себя все: тело, разумную и словесную душу и их свойства, потому что живое существо, не имеющее одной из сих частей или одного из сих свойств, уже не человек. Так Целый целого меня воспринял, и Целый соединился с целым, чтобы целому даровать спасение».

Впрочем, хотя Господь Иисус Христос воспринял единосущное нам естество человеческое, а именно истинное наше тело и истинную нашу душу с силами и свойствами их, но Он родился на земле не так, как рождаются все люди, а сверхъестественным образом: верую, говорится в Никео-Цареградском символе – в Сына Божия, «воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы». Святая Церковь, на основании Слова Божия, верует, что Пречистая Матерь Его «пребыла и пребывает Девой прежде рождения, во время рождения и после рождения Спасителя» и потому называет Ее Приснодевою. Архангел Гавриил, благовествуя Богоматери о рождении Спасителя, сказал: *Дух Святыи найдет на Тя и сила Вышняго осенит Тя, темже и раждаемое свято, наречется Сын Божий* (Лк. 1, 35). Исповедуя Пречистую Матерь Господа «в собственном и истинном смысле Богородицею», святые Отцы для объяснения приснодевства Богоматери указывали на всемогущество Божие, сохранившее девство Ее невредимым, – на горевшую и несгоравшую купину, – на происхождение человеческой мысли, и именовали Ее «единою и по уму, и по душе, и по телу приснодевственной». Она послужила «сверхъестественным рождением» к тому, чтобы нашего ради спасения *Слово стало плотию* (Ин. 1, 14).

Но Господь Иисус Христос отличается от нас по человечеству не одним сверхъестественным рождением от Девы, а также и тем, что по человечеству Он совершенно непричастен никакому греху – ни первородному, ни личному. Первородный грех наследуется всеми потомками Адама, происходящими от него по образу обыкновенного человеческого рождения. Но рождение Христа Спасителя было иное – от Приснодевы, в Которой, по выражению святителя Григория Богослова, «душа и тело были предпочищены Духом». «По согласии Девы, – говорит препо-

добный Иоанн Дамаскин, – Дух Святой, по слову Господню, возвешенному Ей Ангелом, сошел на Нее, очистил Ее и даровал Ей способность как принять в Себя Божество Слова, так и родить. Тогда приосенил Ее, как бы Божественное семя, Сын Божий, единосущный Отцу, ипостасная Премудрость и Сила Вышнего Бога, и из пречистых и девственных Ее кровей образовал Себе начаток нашего состава, плоть, оживленную душою словесною и разумною но образовал не из семени, а творчески, Святым Духом». Иисус Христос был совершенно чист также и от всякого греха личного. Он спрашивал иудеев: *кто от вас обличает Мя о гресе* (Ин. 8, 46) ? Святые апостолы называют Его *Агнцем непорочным и пречистым* (1 Пет. 1, 19), *Архиереем искушенным по всяческому, по подобию, разве греха* (Евр. 4, 15), *преподобным, незлобивым, безскверным* (7, 26), *праведником* (1 Ин. 2, 1), и единогласно свидетельствуют, что *греха в Нем нет* (3, 5), что *Он греха не сотвори, ни обретется леств во устех Его* (1 Пет. 2, 22), и что Его, *неведущаго греха, Бог по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем* (2 Кор. 5, 21). На основании Слова Божия Святая Церковь постоянно веровала в безгрешность человеческого естества во Христе, как видно из свидетельств святых Отцов – Ириней, Ипполита, Дионисия и Афанасия Александрийских, Григория Нисского, Иоанна Златоуста и других. Эта вера запечатлена догматом Халкидонского IV Вселенского Собора: «последующе Божественным Отцем, все единогласно поучаем, – определили отцы Собора, – исповедовати Единого и тогожде Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенна в Божестве и совершенна в человечестве, истинно Бога и истинно человека, тогожде из души и тела, единосущна Отцу по Божеству и единосущна тогожде нам по человечеству, по всему нам подобна, кроме греха».

В. Два естества во Иисусе Христе – Божеское и человеческое – соединены во единую Ипостась Бога Слова и составляют одно Лицо Богочеловека. Эта истина доказывается теми местами Священного Писания, в которых говорится, что Иисус Христос воспринял человечество в единство Божеской Ипостаси, неизменно и неумаленно по вочеловечении пребывая Сыном Божиим, вторым Лицом Пресвятой Троицы. Евангелист Иоанн, начавший свое Евангелие благовестием о Божестве Слова, свидетельствует: *Слово плоть бысть, и вселися в ны, и видехом славу Его, славу, яко Единороднаго от Отца* (1, 14). Святой апостол Павел говорит об Иисусе Христе: *Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв, и образом обретесе, якоже человек* (Флп. 2, 6, 7; ср. Гал. 4, 4; Рим. 1, 3; 9, 5; 1 Тим. 3, 16; Кол. 2, 9). Сюда относятся также и те выражения Священного Писания, в которых приписываются Иисусу Христу как Богу свойства человеческие, а иногда как человеку свойства Божеские, например: *внимайте себе и всему стаду, в нем же вас Дух Святой постави епископы пасти Церковь Господа и Бога, юже стяжа кровию Своею* (Деян. 20, 28); *никтоже взыде на небо, токмо сшедый с небесе Сын Человеческий, сый на небеси* (Ин. 3, 13; ср. Деян. 3, 15; 1 Кор. 2, 8; Ин. 8, 58). Учение о соединении двух естеств в одном Лице Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, Церковь раскрыла на Вселенских Соборах Ефесском и Халкидонском по поводу ересей Нестория и Евтихия. Ефесский Собор одобрил двенадцать глав, составленных святителем Кириллом Александрийским против Нестория, где во второй главе произносится отлучение тому, «кто не исповедует, что Слово, сущее из Бога Отца, ипостасно соединилось с плотию, и есть вместе с плотию один Христос, т. е. один и тот же есть Бог и человек». Халкидонский Собор определяет исповедовать Господа Иисуса Христа, «во двух естествах познаваемого, не на два лица рассекаемого или разделяемого, но единого и тогожде Сына, и Единороднаго Бога Слова».

Об образе соединения двух естеств в Лице Господа Иисуса Христа Халкидонский IV Вселенский Собор учит, что они соединены, с одной стороны, *неслитно и неизменно*, а с другой – *нераздельно и неразлучно*. Два естества во Христе не слились и не смешались, так чтобы из них произошло нечто непохожее ни на то, ни на другое естество, и не преложились одно в другое: «ни Божественное естество не изменилось в человеческое, ни человеческое в Божественное естество, но то и другое пребыло совершенным, в едином Лице, со всеми своими

свойствами, кроме греха, относящегося к естеству человеческому». С другой стороны, они нераздельны в том смысле, что составляют во Христе не два лица, нравственно соединенные, но одно Лицо или ипостась Богочеловека, и неразлучны – в том смысле, что, с минуты зачатия Спасителя Пресвятою Девой два естества во Христе уже не разлучались и не разлучатся, – не разлучались во время страданий на кресте, по воскресении и по вознесении на небо, – не разлучатся и тогда, когда Господь наш, как Сын Человеческий, придет судить живых и мертвых (Мф. 25, 31). Вследствие такого неслитного и непреложного соединения естеств во Христе Спасителе, Вселенский VI Собор, вопреки ереси монофелитов, определил признавать в Богочеловеке *две воли и два действия*: «и две естественные воли или хотения в Нем, и два естественные действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно, по учению святых Отец наших, такожде проповедуем: два же естественные хотения не противныя, да не будет, якоже нечестивии еретицы рекоша, но Его человеческое хотение – последующее, и не противостоящее, или противоборствующее, паче же и подчиняющееся Его Божественному и всемогущему хотению». Следствием нераздельного и неразлучного соединения естеств в лице Богочеловека Господа Иисуса Христа святые Отцы признают также обожение в Нем человеческого естества. «Должно знать, – замечает преподобный Иоанн Дамаскин, – о плоти Господа говорится, что она обожена, стала едино с Богом, и Богом – не по предложению или превращению, или изменению или слиянию естества». Одно из естеств, говорит Григорий Богослов (слово 42), обожило, другое обожено, и, осмелюсь сказать, стало едино с Богом; и помазавшее сделалось человеком, а помазанное Богом. И сие не по изменению естества, но по соединению промыслительному о спасении, т. е. ипостасному, по которому плоть неразлучно соединилась с Богом Словом, и по взаимному проникновению естеств, чему подобное видим и в раскалении железа огнем. Ибо как исповедуем вочеловечение без изменения и превращения, так равно утверждаем, что и плоть обожена таким же образом. Как Слово от того, что стало плотию, не оставило Своего Божества и не лишилось свойственных Ему боголепных совершенств, так и плоть, быв обожена, не изменилась в своем естестве или в своих естественных свойствах. Ибо и по соединении как естества остались несмешанными, так и свойства их неприкосновенными. Плоть Господня обогатилась Божественными силами по причине теснейшего или ипостасного соединения со Словом, не потеряв ничего из естественных своих свойств, ибо плоть не собственною своею силою творила Божественные дела, но силою соединенного с нею Слова, потому что Слово чрез плоть обнаруживало свои собственные действия. Так, раскаленное железо жжет не потому, чтобы оно получило от природы силу жечь, но потому, что оно получает такое свойство от соединения с огнем. Посему одна и та же плоть сама по себе была смертна, а по ипостасному соединению со Словом животворна. Подобным образом говорим, что и воля Господа обожена не потому, чтобы естественное движение изменилось, но потому, что она соединилась с Его Божественною и всесильною волею и сделалась волею вочеловечившагося Бога». Дальнейшее следствие соединения естеств в Господе – то, что Иисусу Христу, как Богочеловеку, подобает единое нераздельное Божеское поклонение и по Божеству, и по человечеству, как говорит святитель Афанасий Александрийский: «как будучи Словом и *во образе Божии сый* (Флп. 2, 6), Сын всегда достойно поклоняем, так Он же стал человеком и наречен Иисусом, но, тем не менее, вся тварь – под ногами Его и о имени сем преклоняет пред Ним колена, и исповедует, что Слово стало плотию и смерть претерпело во плоти». «Тело Господне соделалось телом несозданного Слова – и достоуважаемое воздается ему поклонение, подобающее Божеству, потому что Слово есть Бог, а тело есть Его собственное тело». «Один есть Христос, совершенный Бог и совершенный человек, – свидетельствует преподобный Иоанн Дамаскин, – Ему поклоняемся, равно как и Отцу и Духу, единым поклонением с пречистою плотию Его. Не отвергаем поклонения плоти, ибо ей воздается поклонение в единой Ипостаси Слова, которое соделалось Ипостасию для плоти, но не служим твари, ибо поклоняемся плоти, не как простой

плоти, но как плоти, соединенной с Божеством, потому что два естества соединились в одно Лицо и одну Ипостась Бога Слова».

2.

Спасение человеческого рода, для которого вочеловечился и пострадал Сын Божий – Господь наш Иисус Христос, Он называет *делом*, преданным Ему для совершения от Бога Отца (Ин. 4, 34; ср.

17, 4). *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но имать живот вечный* (3, 16). Во исполнение предвечного совета Пресвятой Троицы *прииде Сын Человеческий взыскати и спасти погибшаго* (Мф. 18, 11; Лк. 19, 10), *прииде в мир грешники спасти* (1 Тим. 1, 15), *явися, да грехи наша возьмет-и разрушит дела диавола* (1 Ин. 3, 5, 8), так что Он *бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление* (1 Кор. 1, 30), *и несть иного имене под небесем, данного в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12). Имя *Иисус* наречено Ему еще до рождения и в переводе с еврейского языка означает *Спаситель: родит Сына*, сказал Ангел Иосифу о Пресвятой Деве Марии, *и наречеши имя Ему Иисус, Той бо спасет люди Своя от грех их* (Мф. 1, 21; ср. Лк. 1, 31). Спасителем нарек Его Ангел и по рождестве, благовествуя пастырям вифлеемским: *се бо благовествую вам радость велию, яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь* (Лк. 2, 10, 11). Имея в виду дело нашего спасения, совершенное Господом Иисусом Христом, святые апостолы называли Его также *Спасителем миру* (1 Ин. 4, 14), *Начальником жизни* (Деян. 3, 15) и *спасения* (Евр. 2, 10).

Для того чтобы совершить наше спасение, Сын Божий *Себе умалил, зрак раба приим, в подобии человечестем быв и образом обретеса якоже человек, смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 7, 8). Это *умаление* Сына Божия, называемое в Священном Писании также *днями плоти* (Евр. 5, 8) и *страстями* (1 Пет. 1, 11), а на богословском языке – состоянием уничижения или истощания, объемлет всю земную жизнь Господа Иисуса Христа и особенно выразилось в страданиях Его и крестной смерти. По бесконечной любви Своей к падшему человеку Он воспринял не часть, но всего человека и все человеческое, кроме греха, и потому испытал и бедность, и скорби, и болезни, и смерть, что и было необходимо в Домостроительстве нашего спасения, как говорит Он Сам: *подобаше пострадать, Христу и внити в славу Свою* (Лк. 24, 26). «Если бы Он пребыл на Своей высоте, – замечает святитель Григорий Богослов, – если бы не снисшел к немощи, если бы остался тем, чем был, соблюдая Себя неприступным и непостижимым, то, может быть, не многие бы последовали за Ним, даже не знаю, последовали ли бы и немногие. Но поелику Бог нас ради истощается и нисходит (под истощанием же разумею истощание, как бы ослабление и умаление славы), то и делается чрез сие постижимым». Впрочем, слава Господа просиявала в самом величии уничижения и страданий Его, открывавших такую бездну Божественной любви к роду человеческому, какая не явлена была даже в творении. *Ныне прославися Сын Человеческий*, говорил Он пред страданиями Своими, *и Бог прославися о Нем* (Ин. 13, 31). «Что это за таинство о мне? – размышляет тот же вселенский учитель. – Я получил образ Божий и не сохранил его; Он воспринимает мою плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. Он вступает во второе с нами общение, которое гораздо чуднее первого, поелику тогда даровал нам лучшее, а теперь восприимлет худшее, но сие боголепнее первого, сие выше для имеющих ум». Это уничижение Господь Иисус Христос воспринял ради нас, «воспринял худшее, чтобы дать лучшее, обнищал, чтобы нам обогатиться Его нищетою; принял зрак раба, чтобы нам получить свободу; снисшел, чтобы нам вознестись; был искушен, чтобы нам победить; потерпел бесславие, чтобы нас прославить; умер, чтобы спасти; вознесся, чтобы привлечь к Себе долу лежащих в греховном падении».

Господь наш Иисус Христос совершил наше спасение тем, что А) научил нас истинному Боговедению и показал пример святой жизни, Б) крестною смертию удовлетворил за нас правде Божией и примирил нас с Богом и В) разрушил державу смерти и ада и отверз нам двери Царства Небесного. Это тройственное служение Иисуса Христа спасению людей на богословском языке называется *пророческим, первосвященническим и царским*. Оно прообразовано в Ветхом Завете лицами пророков, первосвященников и царей, которые были помазуемы на свое служение священным елеем (3 Цар. 19, 16; Исх. 30, 30; 1 Цар. 10, 1; 16, 13), а посему Господу в собственном и преимущественном смысле усваивается имя *Христа*, то есть Помазанника, которое приписывали Ему еще ветхозаветные пророки (*Мессия*, см. Пс. 2, 2; Ис. 61, 1; Дан. 9, 24).

А. Бога никтоже виде нигдеже: Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда (Ин. 1, 18). Хотя *древле Бог многочастне и многообразие глагола во пророцех, но в последок дний глагола в Сыне* (Евр. 1, 1, 2), Который преподавал нам Евангельский закон. Научение людей истине Господь Иисус Христос считал существенной частью Своего служения: *Аз на сие родихся и на сие приидох в мир, да свидетельствую истину* (Ин. 18, 37), потому что, как Сам изрек в молитве к Отцу Своему, *се есть живот вечный, да знают Тебе Единого Истинного Бога, и Егоже послал вси Иисус Христа* (17, 3). Он называл Себя светом миру (Ин. 12, 46; 8, 12; 9, 5), единственным Учителем и Наставником (Мф. 23, 8, 10; Ин. 13, 13). Учение Свое Он излагал способом, соответствовавшим понятиям слушателей (Мк. 4, 33), и притом *со властию* (Мф. 7, 29), подтверждая Свое Божественное посланничество (Ин. 8, 26; 12, 49) знамениями и чудесами, *ихже ин никтоже сотвори* (15, 24; 5, 36) и в которых Он проявил власть не только над природою, но и над силами ада. *Проповедал Евангелие Царствия* (Мф. 4, 23), Он был *славим всеми* (Лк. 4, 15) и почитаем за *Пророка*, пришедшего в мир научить людей (Ин. 6, 14), *сильнаго делом и словом пред Богом и всеми людьми* (Лк. 24, 19). Святые апостолы также называли Господа Иисуса Христа Учителем и Наставником (Ин. 13, 13), *Светом истинным, Иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир* (1, 9) и исповедовали: *вемы, яко Сын Божий прииде, и дал есть нам свет и разум, да познаем Бога истиннаго, и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе* (1 Ин. 5, 20).

Господь наш Иисус Христос и Сам непосредственно, по выражению евангелистов, *проповедовал много и проносил слово* (Мк. 1, 45), *проходя грады вся и веси* (Мф. 9, 35) и *благовествуя Царствие Божие* (Лк. 8, 1), и потом, видя, что *жатва многа, делателей же мало* (Мф. 9, 37), избрал из числа верующих двенадцать апостолов (Лк. 6, 13) и семьдесят учеников (10, 1), которых также послал на проповедь. По воскресении Своем Он дал им такое полномочие: *якоже посла Мя Отец и Аз посылаю вы* (Ин. 20, 21), и такую заповедь: *шедше в мир весь, проповедите Евангелие всей твари* (Мк. 16, 15). По вознесении Его на небо, облекшись *силою свыше* (Лк. 24, 49) – силою Святаго Духа, святые апостолы проповедали учение Христово по всей земле, возвестили всем народам (Рим. 10, 18), и устно, и письменно предали Церкви на все времена (2 Сол. 2, 15).

Взамен закона Моисеева, который был только *пестуном во Христа* (Гал. 3, 24) и *сению грядущих благ* (Евр. 10, 1), Господь преподавал нам совершеннейший Закон Евангельский. Хотя Он Сам приходил в храм Иерусалимский (Ин. 2, 13, 14; 7, 14; 8, 1) и подчинялся заповедям Ветхого закона (Лк. 2, 21, 23, 39), *да подзаконныя искупит* (Гал. 4, 5), но в беседе с Самаряною ясно изрек: *жено, веру Ми ими, яко грядет час, егда ни в горе сей, ни во Иерусалимех поклонитесь Отцу, – грядет час и ныне есть, егда истиннии поклонницы поклонятся Отцу духом и истиною* (Ин. 4, 21, 23); на Тайной же Вечере, устанавливая Таинство Причащения на все времена (1 Кор. 11, 26), Он назвал Свой завет новым: *сия чаша Новый Завет Моею кровию* (Лк. 22, 20; ср. Исх. 24, 8). Святые апостолы по примеру Господа, действуя вначале с мудрою постепенностью (Деян. 3, 1), на Иерусалимском Соборе решили не возлагать *иго закона* Моисеева на *выш* учеников (15, 10, 28). Святой апостол Павел с особенною подробностью говорит об отмене Ветхого закона в посланиях к Римлянам, Галатам, Ефессянам, Колоссянам, Евреям, где

он часто выражает ту мысль, что *не оправдится человек от дел закона, но токмо верою Иисус Христовою* (Гал. 2, 16). Обрядовые и гражданские постановления Ветхого Завета, привязанные к Иудее и Иерусалиму, уже не были пригодны для Христова учения, предназначенного для всей вселенной; только нравственные заповеди закона Моисеева, основанные на вечных и непреходящих истинах и в этом отношении сходные с Евангельскими заповедями (Втор. 6, 5; ср. Мк. 12, 30), получили в Новом Завете более полное толкование, как это видно особенно в Нагорной проповеди Спасителя (Мф. 5–7).

Иисус Христос, пришедший *в мир грешники спасти* (1 Тим. 1, 15), дал закон единый спасительный, а посему обязательный для всех людей и на все времена. *Веруяй в Сына*, Он говорил, *имать живот, а иже не верует в Сына, не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем* (Ин. 3, 36); *Аз есмь путь, и истина, и живот; никтоже придет ко Отцу, токмо Мною* (14, 6); *Аз есмь дверь; Мною аще кто внидет, спасется* (10, 9). Святые апостолы, называя учение Христово *благовествованием спасения* (Еф. 1, 13), *словом, могущим спасти души* (Иак. 1, 21), свидетельствовали о Христе: *несть ни о едином же ином спасения; несть бо иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 11, 12; 1 Кор. 3, 11; 1 Ин. 5, 20). О всеобщности Евангельского закона говорит Сам Господь, когда называет Себя светом всего мира: *Аз есмь свет миру* (Ин. 8, 12); *Аз свет в мир приидох, да всяк веруяй в Мя во тьме не пребудет* (12, 46), и дает апостолам заповедь: *шедше убо научите вся языки* (Мф. 28, 19). Выражение: *вся языки* означает не только современные Ему народы, существовавшие тогда, но и будущие роды и все поколения людей до конца мира, потому что Спаситель присвокупил обетование Своей благодатной помощи не только апостолам, но и всем преемникам проповеднического служения их: *и се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (ст. 20). Святой апостол Павел называет Новый Завет *вечным* (Евр. 13, 20) и говорит, что Христу *подобает царствовать, дондеже положит вся враги под ногама Своима* (1 Кор. 15, 25), разумея под *царствованием* Домостроительство нашего спасения, которое продолжится до *кончины* мира (ст. 24).

Возвестив закон Евангельский – высший и совершеннейший – для всех людей и на все времена, Господь наш в Себе Самом показал нам пример исполнения его. *Научитесь от Мене*, – говорил Он верующим, – *яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29); *образ дах вам, да, якоже Аз сотворих вам, и вы творите* (Ин. 13, 15). Святые апостолы, убеждая христиан к жизни богоугодной, нередко указывают на пример Господа: *Христос пострада по нас, нам оставль образ, да последуем стопамЕго* (1 Пет. 2, 21); *Он по нас душу Свою положи, и мы должны есмы по братии души полагати* (1 Ин. 3, 16); *сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе* (Флп. 2, 5); *терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса* (Евр. 12, 1, 2; ср. 1 Кор. 11, 1; Еф. 5, 1–2).

Б. *Идеже завет, смерти нужно есть вноситься заветающаго* (Евр. 9, 16). Преподав нам *Новый Завет* (Мф. 26, 28), *лучший* в сравнении с Ветхим (Евр. 8, 6), Иисус Христос запечатлел его Своею смертью, *да смерти бывшей во искупление преступлений – обетование вечнаго наследия примут званнии* (9, 15). Страдания Его, болезни, мучения и скорби и, наконец, крестная смерть – великое *служение*, которое Он совершил во спасение наше, как Сам изрек: *Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою избавление за многих* (Мф. 20, 28; Мк. 10, 45). Это служение Он подъял нас ради вполне добровольно (Ин. 10, 11, 18); *Он пострада – Праведник за неправедники, да приведет ны Богови* (1 Пет. 3, 18), будучи Сам непорочен (Евр. 9, 14) и безгрешен (1 Пет. 2, 22; Евр. 4, 15; 2 Кор. 5, 21). Он потерпел страдания и смерть по предопределению в предвечном совете Пресвятой Троицы, во исполнение воли Отца Небеснаго, *Иже в Нем благоизволи всему исполнению вселитися и Тем примирити всяческая к Себе, умиротворив кровию креста Его, чрез Него, аще земная, аще ли небесная* (Кол. 1, 19–20), по побуждению любви как к Своему Отцу (Ин. 14, 31), так и к роду человеческому (1 Ин. 3, 16; Еф. 5, 2). Если вся земная жизнь Господа Иисуса Христа была

исполнением воли Божией о спасении людей (Ин. 6, 38; 4, 34), то это *послушание с непрееркаемой ясностью* выразилось в Его страданиях и смерти: *смирил Себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8; Евр. 5, 8).

Свою смертью на кресте Иисус Христос принес Себя в умиловительную жертву правосудию Божию за грехи всего мира. В этом смысле святой Иоанн Предтеча называет Его *Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира* (Ин. 1, 29), и апостол – *Агнцем, заколенным от сложения мира* (Откр. 13, 8; 5, 12), *Агнцем непорочным и пречистым* (1 Пет. 1, 19). Ветхозаветные жертвы служили только прообразованием великой жертвы, принесенной Господом (Евр. 9, 12–14, 23; 10, 11–12): Он есть воистину *Пасха наша, за ны пожренная* (1 Кор. 5, 7). «Он принес в жертву самого Себя, – говорит святитель Епифаний, – чтобы чрез принесение совершеннейшей и живой жертвы за весь мир упразднить жертвоприношение ветхозаветное: Сам жертва, Сам жертвоприношение, Сам жертвенник, Сам Бог, Сам человек, Сам царь, Сам первосвященник, Сам овца, Сам Агнец, соделавшийся всем ради нас». «Он был жертва, но и Архиерей, – замечает святитель Григорий Богослов, – жрец, но и Бог; принес в дар Богу кровь, но очистил весь мир; вознесен на крест, но ко кресту пригвоздил грех». Сам Иисус Христос указывал на Свои страдания и смерть как на жертву, приносимую за спасение людей. Так, возвещая иудеям о Таинстве Евхаристии, Он сказал: *хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 51), а при установлении сего таинства, подавая апостолам хлеб, произнес: *сие есть Тело Мое, еже за вы даемо* (Лк. 22, 19), и, подавая чашу, рек: *сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов* (Мф. 26, 28). Святые апостолы в писаниях своих также указывают, что Иисус Христос пострадал и умер для нашего спасения. Евангелист Иоанн, приводя слова Каиафы, замечает, что он, *архиерей сый лету тому, прорече, яко хотяше Иисус умрети за люди, и не токмо за люди, но да и чада Божия расточенная соберет во едино* (Ин. 11, 51–52), и в послании говорит, что *кровь Иисуса Христа очищает нас от всякаго греха* (1 Ин. 1, 7; ср. Откр. 1, 5; 5, 9). Святой апостол Петр свидетельствует, что *Христос пострада по нас – и грехи наши Сам вознесе на теле Своем на древо* (1 Пет. 2, 21, 24), *о гресех наших пострада, Праведник за неправедники, да приведет ны Богови* (3, 18). Ту же истину с особенною силою проповедует святой апостол Павел: *Егоже* (т. е. Иисуса Христа) *предположи Бог очищение верою в крови Его, в явление правды Своея, за отпущение прежде бывших грехов* (Рим. 3, 25); *Христос предан бысть за прегрешения наша и воста за оправдание наше* (4, 25), *единою принесен, во еже вознести многих грехи* (Евр. 9, 28), *умре грех наших ради* (1 Кор. 15, 3), *за всехумре* (2 Кор.

5, 15; Рим. 5, 6), *дал Себе избавление за всех* (1 Тим. 2, 6), *жертвою Своею явися* (Евр. 9, 26), и мы, по выражению святых апостолов, *куплены ценою* (1 Кор.

6, 20) *честной крови* Его (1 Пет. 1, 19).

Соответственно значению крестной смерти Господа, как умиловительной жертвы за нас, усваются в Священном Писании Иисусу Христу многие знаменательные имена. Так, Он называется *Первосвященником* (Евр. 2, 17; 5, 10), *Иереем Великим* (10, 21; 5, 6), *Архиереем Великим* (4, 14; 7, 26; 9, 11), *Святителем исповедания нашего* (3, 1), *Начальником веры и Совершителем* (12, 2), *Ходатаем Бога и человеков* (1 Тим. 2, 5; 1 Ин. 2, 1), *Споручником* (Евр. 7, 22) и *Ходатаем новаго, лучшаго Завета* (Евр. 9, 15; 8, 6; 12, 24).

Без всякой нашей заслуги (Рим. 3, 24; Тит. 3, 5; Еф. 2, 8–9; 2 Тим. 1, 9), единственно *по богатству благодати* Своей (Еф. 1, 7), Господь Иисус Христос вольными Своими страданиями и крестною смертью избавил нас от великих зол и приобрел нам великие блага. Принесши Себя в умиловительную жертву на кресте, Он удовлетворил правде Божией и искупил род человеческий от вины и наказания за грехи, оправдал нас пред Богом, разрушил владычество греха, дивола и смерти, очистил нас от грехов, примирил нас с Богом, освятит нас, упразднил Ветхий Завет и установил Новый, усыновил нас Богу, утвердил в нас надежду вечного спасения.

Крестная смерть Иисуса Христа за нас, «будучи бесконечной цены и достоинства, как смерть безгрешного и Богочеловека», есть жертва всеобъемлющая и вседвлекующая. Сила и действия ее простираются на весь мир, весь человеческий род, на все грехи и все времена. Крестом Своим Господь разрушил средостение, которое, вследствие прародительского греха, разделяло небо и землю, чистых и светлых Ангелов и грешных людей (Еф. 1, 10; Кол. 1, 19–20). Исполненные любви к человеку (Лк. 15, 10), светлые Ангелы всегда *желали приникнути* (1 Пет. 1, 12; Еф. 3, 10) в *Христову тайну* (Еф. 3, 4; Кол. 4, 3) спасения и при открытии ее, прославляли Бога за устрояемый *на земли мир* и за *благоволение во человецех* (Лк. 2, 14). Это соединение Ангелов и человеков во Единую Церковь Божию (Евр. 12, 22–24) окончательно совершено крестом Христовым. Искупительная сила смерти Христовой не распространяется только на духов злобы, не способных по ожесточению своему к покаянию и соблюдаемых *под мраком на суд великаго дне* (Иуд. 6). Иисус Христос пришел в мир *взыскати и спасти погибшаго человека* (Мф. 18, 11), а т. к. *вси согрешиша* (Рим. 3, 23), все люди были повинны пред Богом, то Он *за всех умре* (2 Кор. 5, 15; 1 Ин. 2, 2; Рим. 5, 18; 1 Тим. 2, 6). Силою всемирной жертвы, принесенной Господом на кресте, заглаждаются и очищаются все грехи – прародительский и частные, потому что Он *грехи наша Сам вознесе на теле Своем на древо, да от грех избывшие правдою поживем* (1 Пет. 2, 24), так что, по выражению святого апостола, *кровь Иисуса Христа Сына Божия очищает нас от всякаго греха* (1 Ин. 1, 7). Наконец, Господь наш Иисус Христос *едином приношением совершил есть во веки освящаемых* (Евр. 10, 14), то есть спасительная сила крестной смерти Его простирается на все времена. Как *милостивый и верный Первосвященник-во еже очистити грехи людския* (2, 17), Он *Своею кровию вниде единою во святая, вечное искупление обретый* (9, 12), и *занеже пребывает во веки, непреступное* (непреходящее) *имать священство, темже и спасти до конца может преходящих чрез Него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них* (7, 24–25; 10, 12; Рим. 8, 34).

В. За состоянием уничтожения или истощания, в котором Господь претерпел ради нашего спасения страдания и смерть, последовало состояние славы, или обнаружение Божества Его, во всем свете и величии, чрез покров обоженного человеческого естества Его. Это состояние прославления Сам Иисус Христос называет славою: *не сия ли подобаше пострадати Христу и внити в славу Свою?* (Лк. 24, 26). Об этом же состоянии говорит святой апостол Павел: Иисус Христос *смирил Себе, послушав быв даже до смерти, смерти же крестныя, темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене, да о имени Иисусове всяко колено поклонится небесных, и земных, и преисподних* (Флп. 2, 8-10; Евр. 2, 9). Состояние славы, просиявавшее в земной жизни и в самой крестной смерти Господа, заключает в себе победное сошествие Его в ад, последовавшее непосредственно за смертью, воскресение из гроба, вознесение на небо и седение одесную Бога Отца. Этими действиями всемогущества Своего Он довершил наше спасение, исхитив нас *от власти темныя* (Кол. 1, 13) и *области сатанины* (Деян. 26, 18), *разрушив смерть и дела диаволя* (1 Ин. 3, 8), и *возсияв нам жизнь и нетление* (2 Тим. 1, 10). Посему-то в Священном Писании Он называется *Всевышним, Небесным Царем* (Откр. 17, 14; Ин. 18, 36–37; 1 Кор. 15, 25), *Главою всякому началу и власти* (Кол. 2, 10), *Главою Церкви* (Еф. 1, 22; 4, 15; 5, 28; Кол. 1, 18), *Адамом вторым* (1 Кор. 15, 22, 45), *животом* (Кол. 3, 4), *воскрешением* (Ин. 11, 25), *упованием* (1 Тим. 1, 1), *начатком* (Кол. 1, 18), *начатком из умерших* (1 Кор. 15, 20), *первородным во многих братиях* (Рим. 8, 29), *первороденным из мертвых* (Кол.

1, 18), *первороденным всяя твари* (ст. 15).

Упразднив смертью и муцаго державу смерти, сиречь диаволя (Евр. 2, 14), Господь наш Иисус Христос «с душою Своею, яко Бог», сошел во ад, «чтобы и там проповедать победу над смертью и избавить души, которые с верою ожидали Его пришествия», как говорит святой апостол Петр: *Христос единою о гресех наших пострадала, Праведник за неправедники, да приведет ны Богови, умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом, о немже сицизм в темнице духо-*

вом сошед пропеда (1 Пет. 3, 18–19). «Обоженная душа Христова, по словам преподобного Иоанна Дамаскина, нисходит во ад для того, чтобы как живущим на земле воссияло Солнце Правды, так и для сидящих под землею во тьме и сени смертной воссиял свет, – чтобы как находящимся на земле Христос благовествовал мир, пленным освобождение, слепым прозрение, и для уверовавших был виновником вечного спасения, а для неверующих обличителем в неверии, так и сущим во аде, *да всяко колено поклонится Ему небесных, и земных, и преисподних* (Флп.

2, 10)». «Искуплены все праведные, которых поглотила смерть, – замечает о сошествии Иисуса Христа во ад святитель Кирилл Иерусалимский, – и после сего каждый из праведников сказал: *где ти, смерти жало? где ти, аде, победа?* (1 Кор. 15, 55). Нас искупил Победодавец».

Разрушив державу ада сошествием во ад, Господь разрушил державу смерти Своим славным воскресением. В воскресении Господа апостол Петр усматривает основание нашего упования на небесное наследие (1 Пет. 1, 3–4), а апостол Павел, называя Иисуса Христа *начатком умерших* (1 Кор. 15, 20–23), на Нем утверждает надежду нашего будущего воскресения (Рим. 6, 8; 1 Сол. 4, 14). «Душою Бога, – говорит святитель Афанасий Александрийский, – разрушена держава смерти, совершено и благовещено душам воскресение из ада, а телом Христовым в бездействие приведено тление и явлено из гроба нетление. Где сожгало человеческое тело, там Иисус попускает положить и собственное Свое тело, и где душа человеческая удерживаема была смертию, там Христос показывает, что и Его душа есть человеческая, чтобы Ему и как человеку не быть держиму смертию, и как Богу разрушить державу смерти, чтобы где посеяно было тление, произросло там нетление, чтобы где царствовала смерть, там Ему бессмертному, представ в образе души человеческой, явить бессмертие и таким образом сделать нас причастниками Своего нетления и бессмертия, в надежде воскресения из мертвых». «Господь чрез Свое тело даровал и нашему телу воскресение, и по воскресении нетление, Сам сделавшись для нас *начатком воскресения, и нетления, и бесстрастия*». Придет предуставленное время, когда Он, силою всемогущества Своего, *тленное сие облечет в нетлещее смертное сие в бессмертное* (1 Кор. 15, 54), *преобразив тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его* (Флп. 3, 21).

Вознесением Своим на небо с воспринятым человеческим естеством Господь наш Иисус Христос отверз верующим вход в Царство Небесное. О последователях Своих Он сказал: *идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26), и, беседуя с учениками Своими об отшествии к Отцу, утешал их такими словами: *иду уготовати место вам, и аще уготовлю место вам, паки прииду и поиму вы к Себе* (14, 2–3). Как наш *Предтеча* на небесах (Евр. 6, 20), Христос *вниде не в рукотворенная святая, но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас* (9, 24).

По вознесении на небо Господь наш *сиде одесную Бога*. «Под словами *одесную Бога Отца*, – замечает преподобный Иоанн Дамаскин, – разумеем славу и честь Божества, которую Сын Божий, как Бог и единосущный Отцу, имеет прежде веков, и в которой, воплотившись в последние времена, восседит и телесно, по прославлении плоти Его, ибо Он вместе с плотию Своею приемлет одно поклонение от всей твари». Искупитель наш, *искушенный по всяческому по подобию, разве греха*, милостив к *немощем нашим* (Евр. 4, 15), и, пребывая в неприступной славе Божества, подает нам Свою благодатную помощь и совершает наше спасение, для которого Он воплотился и пострадал. По силе *ходатайства* Христова (Рим. 8, 34), *Бог и нас спасади на небесных во Христе Иисусе* (Еф. 2, 6), как *сонаследников Христа, страждущих с Ним, но с Ним и прославляющихся* (Рим. 8, 17).

IV

Приготовление человеческого рода к принятию Спасителя

Для спасения рода человеческого Единородный Сын Божий, рожденный прежде век от Отца (Евр. 1, 5; Пс. 2, 7), долженствовал родиться во времени от Девы (Гал. 4, 4; Ис. 7, 14); *образ Бога невидимаго* (Кол. 1, 15), *сияние славы Его, носящий всяческая глаголом силы Своея* (Евр. 1, 3), – явиться в подобии плоти греха (Рим. 8, 3), в образе раба, смилив Себе даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. 2, 7–8). Эта *велия благочестия тайна* (1 Тим. 3, 16), *тайна воли* Божией (Еф. 1, 9), предуставленная в Предвечном Совете Пресвятой Троицы, открывалась роду человеческому с постепенностью, вполне сообразной с степенью человеческой приемлемости. Как полдню предшествует заря и утро, так ясному дню Боговедения, воссиявшему для мира с явлением *Солнца Правды* (Мал. 4, 2), предшествовали времена приготовления человеческого рода к принятию Спасителя. Телесные очи омрачились бы и не вынесли блеска полуденного, не быв приготовлены к полному сиянию солнца мерцанием зари и рассветом утра; так омрачились бы очи ума человеческого при виде Мессии, не привыкнув заранее *издалеча* (Евр. 11, 13) *видети день Его* (Ин. 8, 56). Святитель Иоанн Златоуст говорит, что «чрезмерное человеколюбие Бога и великое снисхождение было страшно и требовало многих приготовлений, чтобы оно было принято», и, по выражению святителя Василия Великого, «Домостроитель нашего спасения, подобно глазу человека, выросшего во тьме, вводит нас в великий Свет Истины после постепенного к нему приобщения, потому что шадит нашу немощь. В глубине богатства Своей премудрости и в неизследованных судах разумения предначертал Он видеть тени предметов и в воде смотреть на солнце, чтобы, приступив вдруг к зрению чистого света, мы не омрачились». «Милосердый Бог, скажем словами отечественного богослова, идет к человеку и после греха его, но грешник не готов в сретение Богу своему и убегает от Него. В твари свободной не достигает готовности до принятия действия Божия, когда в ее воле не достаёт соответствия воле Божией; особенно трудно устроить сию готовность в твари падшей и разрушенной, которую нужно восстанавливать и пересозидать. Таким образом Слово Божие о Спасителе мира, как молния, блеснуло над человечеством в первые минуты греховного омрачения и неоднократно просиявало в последующих откровениях, но мрак греховный продолжал тяготеть, и веки и тысячелетия должны были пройти, прежде нежели действительно *Слово плоть бысть* (Ин. 1, 14) и *Бо явися во плоти* (1 Тим. 3, 16). Христов свет сиял для человеков в раю, не совсем скрылся от них на земле, не угашен язычеством, хотя им не усмотрен и не принят, знаменовал себя тенью – в законе Моисеевом, зарею – в пророках, доколе наконец, как солнце и день, явилось воплощенное Слово, с полным светом истины, с животворящею и чудодействующею силою, и в Его жизни, проповеди, деяниях, даже в вольном страдании и смерти, наипаче же в воскресении – *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнью благодати и истины* (Ин. 1, 14)».

Многочастне и многообразие Бог глагола древнему Израилю (Евр. 1, 1), приготовляя Свой избранный народ к принятию Спасителя. «Слово, хотя ясно открылось уже впоследствии, в определенное время, однако же, – по выражению святителя Григория Богослова, – было ведомо умам чистым и прежде», и они могли созерцать Его во все продолжение Ветхого Завета 1) в прообразах, 2) обетованиях и пророчествах.

1) *Преобразования Иисуса Христа в Ветхом Завете* «Преобразование, – по определению святителя Василия Великого, – есть выражение ожидаемого в уподоблении, которым надзнаменательно предуказуется будущее», так что, как замечает святитель Иоанн Златоуст, «есть два вида пророчества: предсказание о будущем или делами, или словами, – и много можно находить в Ветхом Завете таких прообразов и предсказаний посредством дел». По изволению Божию ветхозаветным чадам были предуказаны предварительные образы или знаки, представ-

лявшие собою события будущие, Новозаветные, касающиеся Лица Иисуса Христа. Сам Иисус Христос и апостолы изъясняют многие места Ветхого Завета в значении прообразовательном и прилагают к событиям новозаветным. Апостол Павел вообще говорит о Ветхом Завете, что он *имел сень грядущих благ, а не самый образ вещей* (Евр. 10, 1).

«Прообраз, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – не должен быть совершенно чуждым истине, иначе он не будет прообразом, но, с другой стороны, он не должен быть и равным истине, иначе он будет самою истиною, а должен оставаться в своих пределах, и не иметь всего, и не быть лишенным всего, что имеет истина, ибо если бы он имел все, то был бы самою истиною, а если лишен всего, то не может быть прообразом, но он должен одно иметь, а другое оставить истине».

Прообразованиями Господа Иисуса Христа в Ветхом Завете служили: а) лица, б) события и в) обрядность подзаконной Церкви.

а) Преобразовательные лица. Святой апостол Павел именует первозданного Адама *образом Иисуса Христа* (Рим. 5, 14). В Священном Писании с особенной ясностью раскрываются прообразовательные черты праотца человеческого рода. Адам был первенцем и прародителем нашим, почему и называется *первым человеком* (1 Кор. 15, 45, 47); *последний Адам* – Христос – есть также Первенец благодатного мира (Рим. 8, 29; Евр. 2, 10–11), и как от Адама было естественное рождение человечества, так и от Христа – сверхъестественное, благодатное возрождение (Ин. 3, 3–8; 1 Ин. 3, 9; Рим. 6, 11, 23; Еф. 2, 5; Кол. 2, 13). Но вместе с тем, по выражению святителя Афанасия Александрийского, «есть великое различие между Адамом вторым и Адамом первым». *Первый человек от земли-перстей, второй человек – Господь с небесе* (1 Кор. 15, 47), и когда, по создании тела человека, Бог вдунул в лице его *дыхание жизни* (Быт. 2, 7), то *первый человек Адам бысть в душу живу*, между тем как *последний Адам* — Христос – *в дух животворящ* (1 Кор. 15, 45).

«Второго Адама, – толкует блаженный Феодорит, – апостол назвал не живым, но животворящим духом, потому что всем подает жизнь и жизнь вечную». Первый Адам был сотворен *по образу Божию* (Быт. 1, 26–27), но второй Адам, Господь Иисус Христос есть *Сам образ Бога невидимаго* (2 Кор. 4, 4; Кол. 1, 15), как Единосущный Сын Бога Отца (Ин. 14, 9). Впрочем, хотя до падения, при всем несравнимом превосходстве первообраза усматривается сходство Адама с Иисусом Христом, но после грехопадения первый человек утрачивает прямое, прообразовательное значение и делается как бы противоположностью своего первообраза. *Не якоже прегрешение, тако и дар, – изъясняет апостол Павел соотношение между Христом и падшим Адамом, – аще бо прегрешением единого мнози умроша, множае паче благодать Божия и дар благодатию единого человека Иисуса Христа во многих преизлишествова; аще бо единого прегрешением смерть царствова едином, множае паче избыток благодати и дар правды приемлюще, в жизни воцаряются едином Иисус Христом, темже убо, якоже единого прегрешением во вся человеки вниде осуждение, такожде и единого оправданием во вся человеки вниде оправдание жизни; якоже бо послушанием единого человека грешни быша мнози, сице и послушанием единого праведни будут мнози* (Рим. 5, 15, 17–19). В этих словах апостола сходные черты между прообразом и первообразом сводятся к тому, что падение совершилось *через одного* и оправдание также *через одного*, – падение *через одного человека* и оправдание также *через одного человека* – Иисуса Христа; следствия грехопадения от одного родоначальника простерлись на *всех* людей, и оправдание Христово простирается также на *всех* людей. Но там *грех*, здесь же, напротив, *благодать* (ст. 15), там *ослушание*, здесь *послушание* (ст. 19), там *осуждение*, здесь *оправдание* (ст. 16, 18), там *смерть*, здесь *вечная жизнь* (ст. 21). Такое же противоположение прообраза и первообраза читаем и в следующих словах апостола: *понеже человеком смерть бысть и человеком воскресение мертвых; якоже бо о Адаме вси умирают, такожде и о Христе вси оживут* (1 Кор. 15, 21–22; ср. ст. 48, 49). «Что Адам низринул с неба на землю, то

Христос возвел с земли на небеса: что в Адаме было безгрешно и неосужденно, а им низринуто в тление и осуждение смерти, то Христос показал в Себе нетленным и искупительным от смерти, т. к. имеет власть на земле отпущать грехи, из гроба явить нетление, снисхождением во ад разрушить смерть и благовествовать всем воскресение» (свт. Афанасий Александрийский).

Второй сын Адама – Авель, убитый братнею рукою, по изъяснению святого апостола, был прообразом Иисуса Христа, пострадавшего за спасение рода человеческого: *приступите к Ходатаю Завета Нового Иисусу, и крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12, 24). Авель был *пастырь овец* (Быт. 4, 2) и *верою*, как свидетельствованный Богом *праведник* (Мф. 23, 35), *множайшую жертву паче Каина принесе Богу, – и тою умерый еще глаголет* (Евр. 11, 4), глаголет, как замечает святитель Филарет Московский, своею «верою к милосердию Божию и невинностью своею к правосудию Божию». Христос, *Пастырь овцам великий* (13, 20), *Пастыреначальник* (1 Пет. 5, 4) и *Посетитель душ наших* (2, 25), принес Самого Себя в жертву крестную, *Праведник за неправедники* (3, 18), и *едином приношением совершил есть во веки освящаемых* (Евр. 10, 14), *всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них* (7, 25). Кровь Христова *лучше глаголет, нежели Авелева*, потому что «вопиет к Отцу Небесному о помиловании всего рода человеческого» (свт. Филарет Московский): «Убит Авель, – говорит святитель Иоанн Златоуст – первый *проповедник правды* (2 Пет. 2, 5), который во многом изображал Христа. Ибо как для тех, которые обновляются по закону, Спаситель есть вождь и первый праведник, так Авель был главою правды всех древних людей. Вопияла кровь Авелева, вопиет кровь Христова: та вопияла избличая, а сия вопиет, принося миру примирение».

Иисус Христос указывает на соответствие времени потопа с временем пред Своим будущим пришествием (Лк. 17, 26–27; Мф. 24, 37–39). Но т. к. в другом месте Священного Писания (1 Пет. 3, 20–21) говорится о прообразовательном значении потопа вообще в отношении к благодатному Царству Христову, то Ной является прообразом Христа и в первом Его пришествии на землю. Самое имя Ноя, означающее *покой*, святые Отцы считают прообразовательным: «Христос есть истинный Ной, – говорит святитель Кирилл Александрийский, – т. е. оправдание и успокоение, ибо Гавриил Архангел предвозвестил Святой Деве, что Христос дарует нам покой (Лк. 1, 30–33)». О роде человеческом пред потопом сказано: *наполнися земля неправды* (Быт. 6, 11); в мрачных красках изображает святой апостол Павел нравственное состояние мира и во время пришествия Христа на землю (Рим. 1, 18–32). Христос, так же, как древний Ной, «возвещал предстоящий суд роду развращенному, и для спасения верующих от потопа вечного проклятия создал Нерукотворенный Ковчег – Свою новую Церковь. Он Сам соделался *дверию* (Ин. 10, 9) сего ковчега и приял в него диких и кротких, чистых и нечистых животных, пшеницу и плевелы, дабы всем уготовать довлеющие *обители* у Отца Своего (14, 2) и всем приобрести Его духовное благословение. Но как в ковчег Ноев не вошли те самые, которые вспомоществовали Ною в его создании, так книжники и фарисеи, долженствовавшие назидать Церковь, отвергли камень, который долженствовал быть во главу угла (Мф. 21, 42), и затворяли Царствие Небесное для себя и других (23, 13); так иудеи, сделавшись из чад обетования чадами гнева, рассеяны и погружены в водах народов языческих. Ковчег Ноев долго носился по водам, но потом остановился на твердой горе и дал из себя жителей всей земле: так Церковь Христова, долго сражаясь с волнами искушений и бед, наконец побеждает, утверждается над царствами и царями земными, начиная от высокой державы Рима, и распространяется во все концы вселенной».

Ной был родоначальником рода человеческого после потопа и прообразовал Христа, Начальника новой жизни. «Ной, заключенный в ковчеге и деревом спасающий семена второго мира и ставший снова началом человеческого рода, – по выражению преподобного Иоанна Дамаскина, – прообразовал добровольно погребенного Христа, Который кровию, истекшею из ребра Его вместе с водою омыл грех, а деревом крестным спас весь род наш и соделался начальником новой жизни и нового порядка».

«Вторым пришествием Христовым разрешится судьба последнего мира, подобно как в потоке разрешена судьба первого мира. Суд первого мира предвозвещен двумя пророками: Енохом (Иуд. ст. 14, 15) и Ноем (2 Пет. 2, 5); в последнем мире также являются *два свидетеля Иисусовы, пророчествующие* (Откр. 11, 3). Но как пророчество Ноя не обрело веры в слышавших и долгое время предсказываемый потоп водный настал неожиданно, так *Сын Человеческий, пришедши, едва ли найдет веру на земли* (Лк. 18, 8) и день *огненного* потопа придет, как *татъ* (2 Пет. 3, 3-10). Наконец, как первая кончина мира была только обновлением его, так и после грядущих времен последних явится *новое небо и земля новая* (Откр. 21, 1)» (свт. Филарет Московский).

Святой апостол Павел, прилагая к Иисусу Христу пророчесственные слова Псалмопевца: *Ты вси священник вовек по чину Мелхиседека* (Пс. 109, 4; ср. Евр. 5, 6, 10; 6, 20), находит в лице Мелхиседека прообразование Христова служения: *сей Мелхиседек, царь Салимский, священник Бога Вышняго, – прежде убо скажется царь правды, потом же царь Салимский, еже есть царь мира, без отца, без матери, без причта рода, ни начала днем, ни животу конца имея, уподоблен же Сыну Божию, пребывает священник вьну* (7, 1-3).

Изъясняя мысль святого апостола, блаженный Феодорит говорит: «Священное Писание представляет нам родословную Авраама и многих других патриархов, живших прежде и после него [...] А у Мелхиседека не видно, по Писанию, ни отца, ни матери, ни рода; не упоминается, сколько времени он жил и когда достиг своей жизни. Посему-то апостол называет его человеком *без отца, без матери, без причта рода, ни начала днем, ни живота конца имеющим*, потому что в Священном Писании ни о чем этом не упоминается». Святитель Иоанн Златоуст также замечает: «Мелхиседек представляется не имеющим ни начала дней своих, ни конца жизни, не потому, чтобы он действительно не имел их, но потому, что неизвестно родословие его; слыша о Мелхиседеке безначальном и безконечном, не ищи в нем истины, но довольствуйся одним названием, а истину находи во Христе; то, что в Мелхиседеке было, как тень, на Иисусе Христе исполнилось, как истина. Так по естеству и так истинно». «Владыка Христос, – продолжает блаженный Феодорит, – *без матери* Он, как Бог, ибо рождается от одного Отца, *без отца*, как человек, ибо произошел чрез рождение от одной матери – Девы; *без причта рода*, как Бог, ибо рожденный от нерожденного Отца не имеет нужды в родословии; не имеет *начала днем*, потому что есть вечное рождение; не имеет *конца животу*, потому что имеет естество бессмертное. Посему апостол и уподобляет не Владыку Христа Мелхиседеку, но Мелхиседека Христу, ибо тот был образом Христа, а Христос есть истина образа».

В лице Сарры, рождающей Исаака, святой апостол указывает образ нового, *вышняго Иерусалима, иже есть мати всем нам* (Гал. 4, 26), т. е. Церкви обновленной и возвышенной воплощением Сына Божия. Впрочем, и другие черты истории Исаака предызображали Христа, так что, по замечанию преподобного Ефрема Сирина, он «во всем прообразовал собою Владыку». Рождению Исаака предшествовали предсказания, – рождению Иисуса Христа предшествовали обетования и пророчества Ветхого Завета; имя Исаака предначертано до рождения, равным образом и имя Иисуса (Лк. 1, 31); предсказание о рождении Исаака Сарра принимает с недоумением (Быт. 18, 13), – и благовестив о рождении Спасителя Дева Мария встречает вопросом: *како будет сие?* (Лк. 1, 34); Исаак есть единственный наследник в доме Авраама, – Иисус есть *наследник всем* в великом Доме Божиим (Евр. 1, 2). В браке своем с Ревеккою Исаак изобразил, по толкованию святых Отцов, обручение Христу девы чистой – Церкви (2 Кор. 11, 2).

«Не хотел Авраам возлюбленному сыну своему Исааку взять жену из дочерей Хананейских, но послал своего раба в страну идолопоклонческую, чтобы он там нашел супругу Исааку; негодно было Богу сочетать Христу синагогу иудейскую, но соединить с Ним духовно Церковь из язычников; в сем являются посредствующими верные рабы Божии – апостолы,

слуги и строители таин Христовых». Кроме того, святой апостол Павел видит в Исааке образ Церкви Христовой (Гал. 4, 22–31).

В приключениях Иосифа есть такое сходство с состоянием уничтожения и прославления Иисуса Христа, что святая Церковь и святые Отцы находят в них прообразовательное значение. «Образ Владычен подписуя Иосиф – вся терпит приснопамятный, во образ воистине Христов», читается в церковной службе; и еще: «Иосиф великий – подобие воистину Христово». Почитая Иосифа прообразом страждущего и прославленного Спасителя, Святая Церковь постановила вспоминать его при начале Страстной седмицы – в Великий Понедельник. Иосиф, первенец Рахили, любимый Иаковом более всех сынов (Быт. 37, 3), – Иисус – *первенец* Марии (Мф. 1, 25) и Сын Божий *возлюбленный* (3, 17). «Как Господь из Отчего недра, – говорит преподобный Ефрем Сирий, – послан к нам спасти всех нас, так и отрок Иосиф с отеческого Иаковлева лона послан был к братьям своим; и как жестокие Иосифовы братья, когда увидели приближающегося Иосифа, начали замышлять против него лукавство, хотя нес он им мир от отца, так и жестокосердые всегда иудеи, увидев Спасителя, говорили: действительно *сей есть наследник, убием Его* и наше будет все (Мк. 12, 7)». Иосиф по зависти братьев продается иноплеменнику, – Иисус также *зависти ради* (Мф. 27, 18) предается язычникам (20, 19) и продается *за тридцать сребренников* (26, 15). «Иосиф, – продолжает тот же святой Отец, – когда победил грех, заключается в темницу до времени принятия им венца, так и Господь наш, чтобы взять на Себя весь грех мира, полагается во гробе».

Иосиф, заключенный в темнице, возвещает узникам – одному помилование, а другому осуждение; Иисус, на кресте возвестив одному из двух разбойников спасение, потом *и сущим в темнице духовом сошед проповеда* (1 Пет. 3, 19). Вышед из темницы, Иосиф поставляется над всем царством египетским, получает новое имя, великие почести и делается питателем и благодетелем не Египта только, но и соседних стран; Иисусу по восстании из гроба *дадеся всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18), *и о имени Его всяко колена* покланяется *небесных и земных и преисподних, и всяк язык* исповедует, *яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 10–11).

Боговидец Моисей, по выражению церковной песни, «Христа проповедал приити в плоти, прописав Его в себе страшное и Божественное пришествие, егоже и образ одушевлен явился яве», провозвещающая тайны Божии «сеньми, и начертании, и во образех», так что «действующая им образ будущего истинного быша». Святой апостол Павел в Послании к Евреям сравнивает Иисуса Христа с Моисеем, показывая, вместе с тем, *множайшую славу* какую имеет Сын в доме Своем пред слугою (Евр. 3, 2–6). Моисей был *кроток зело паче всех человек, сущих на земли* (Чис. 12, 3), но иногда являл и пример строгости к преступлению закона (Исх. 32, 19, 27); Христос, указывая на Себя как на образец кротости: *научитесь от Мене яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), ревновал о славе Божией, когда видел злоупотребления в храме (Ин. 2, 15–16). Страдания, какие испытал Моисей, начиная с самой колыбели, предызображали страдания Иисуса Христа. Ко времени рождения Моисея фараон издал повеление об истреблении всех младенцев мужского пола, – и при рождении Спасителя Ирод старается погубить Его (Мф. 2, 13); Моисей бежал из Египта, спасаясь от гнева царя, – и Христос, гонимый Иродом, удалился из отечественной страны; Моисей, пророк и законодатель, сколько ни любил народ свой, но за все свои труды и заботы испытал со стороны иудеев неблагодарность, ропот и возмущение, – такими же неблагодарными оказались иудеи и по отношению к Иисусу Христу, несмотря на все благодеяния Его. Чудеса, совершенные Моисеем в земле Египетской и во время странствования евреев в пустыне, дают в нем видеть образ великого Чудотворца – Христа. Ни один из пророков, предшествовавших Моисею и следовавших за ним, не сотворил столько чудес, сколько сотворил Моисей: только Господь Иисус Христос и в этом отношении имеет пред ним несравнимое превосходство, потому что свидетельствует о Себе, что сотворил дела, *ихже ин никтоже сотвори* (Ин. 15, 24). Как пророк, Моисей был удо-

стоен особенных откровений Божиих *и славу Господню виде* (Чис. 12, 8); но еще большую близость, или лучше – совершенное единение с Богом, имел тот Пророк, о Котором предсказывал Моисей (Втор. 18, 15, 18) Господь Иисус Христос, *Единородный Сын, сый в лоне Отчи* (Ин. 1, 18). Моисей был не только пророк, но и законодатель и *ходатай* (Гал. 3, 19) при заключении Ветхого Завета между Богом и народом, и в этом отношении также был прообразом *Ходатая* Завета Нового (1 Тим. 2, 5; Евр. 9, 15). Пред обнародованием закона Моисей уединенно постился 40 дней (Втор. 9, 9), устроил скинию и Богослужение, утвердил завет кроплением жертвенной крови (Исх. 24, 8), установил пасху и кровию пасхального агнца избавил дома израильтян от смерти временной (12, 13, 27); Иисус Христос постился перед вступлением на общественное служение также 40 дней (Мф. 4, 2), основал на земле Свою Церковь (16, 18), Своею кровию укрепил Новый Завет Бога и человеков (Евр. 9, 12, 15) и сделался истинною *Пасхою, за ны пожренною* (1 Кор. 5, 7), избавляющею верующих от вечной смерти (Рим. 3, 25).

Преемник Моисея, Иисус Навин, «во многом, – по выражению святителя Кирилла Иерусалимского, – имеет на себе образ Христа». В Послании к Евреям (4, 8) Иисус Навин, давший покой народу своему в земле обетованной, сравнивается со Спасителем, в покой Которого некогда войдут верующие (ст. 3), и вместе с тем показывается преимущество Лица прообразуемого, т. к. успокоение во Христе несравненно выше временного успокоения израильтян в земле Ханаанской. «Имя Иисуса, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – было прообразом Христа; он был назван этим именем, как прообразом: его звали прежде Авсием, а потом переименовано ему имя (Чис. 13, 17), и это было предсказанием и пророчеством. Он ввел народ израильский в землю обетованную, как Иисус Христос вводит нас в небо». «Став вождем народным, он начал сие от Иордана, откуда и Христос, крестившись начал благовествовать. Двенадцать мужей для раздела наследия поставил сын Навина, – и двенадцать апостолов посылает Иисус в целую вселенную проповедниками Истины. При прообразовавшем стены иерихонские от одного восклицания пали, – и поелику речено Иисусом: не имать остати zde камень на камени (Мф. 24, 2), пал храм иудейский не потому, что определение сие было причиною падения, но потому, что виною падежа стал грех беззаконных» (свт. Кирилл Иерусалимский). О чуде Иисуса Навина замечается в церковной песни: «Проображаше таинственно древле Иисус Навин креста образ, егда руке простре крестовидно и ста солнце, дондеже враги низложи». «Солнце стало, – замечает святитель Амвросий, – потому что во Иисусе познало образ будущего; ибо не своею силою Иисус Навин, но таинством Христа властвовал над небесными светилами».

Иов, благоденствовавший в счастии, потом испытанный потерю имущества, детей и лютой болезнью, и, наконец, опять в *сугубой* степени (Иов. 42, 10) получивший потерянное, служит образом Христа, Сына Божия, *Себе умаливаго, зрак раба приимшаго, в подобии чело-вечестем бывшаго, а по совершении нашего искупления превознесеннаго* (Флп. 2, 7–9) и восприявшаго *славу, юже имел у Отца прежде мир не бысть* (Ин. 17, 4). По этой причине Святая Церковь с древних времен постановила в дни, посвященные воспоминанию страданий Христовых, предлагать вниманию верующих чтения из книги Иова. Святой священномученик Зинон, епископ Веронский, живший в IV в., находит еще другие – частнейшие черты сходства между прообразом и образом. «Иов, по моему мнению, – говорит святой Отец, – был образом Спасителя нашего Иисуса Христа. Сравнение объяснит нам эту истину. Иов был праведен, – Спаситель наш есть сама правда, источник нашей праведности, потому что о Нем предречено было: *се день грядет и возсияет Солнце Правды* (Мал. 4, 12). Иов был истинен, – Господь наш есть подлинная, совершенная истина: *Аз есмь, – говорит Он, – путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). Иов был богат, но чье богатство может сравниться с богатством Господа нашего, Которому принадлежит вся вселенная, по свидетельству блаженнейшего Давида: *Господня земля и исполнение ея, вселенная и вси живущие на ней* (Пс. 23, 1)? Иов три раза был искушаем диаволом (лишением имения, погибелью детей и болезнью); подобным образом, по свидетельству евангелиста, трижды же искушал диавол и Господа нашего (Мф. 4, 1-11). Иов, лишенный всего

своего имени, обнищал, – Господь наш, по любви к нам, снисшедши на землю и оставив небо со всеми его благами, также обнищал, чтобы нас обогатить. Дети Иова были умерщвлены рас- свирепевшим диаволом, – дети Господа нашего пророки были побиты безумным фарисейским народом (Лк. 13, 34; Деян. 7, 52). Иов поражен был язвами, – Господь наш, приняв на Себя плоть нашу и грехи всего человеческого рода, вместе с тем принял все нечистоты и язвы греховные. На Иова нападали друзья его, – на Господа нашего преимущественно пред всеми составляли первосвященники и книжники, которые должны были бы особенно чтить Его и быть Его друзьями. Иов, пораженный проказою, точимый червями, сидел на пепле вне города, – Господь наш, принявший на Себя все греховные язвы всего рода человеческого, обращался в этом нечистом мире среди людей, исполненных пороков и кипевших похотями, которые и предали Его позорной смерти вне города. Иов непобедимым своим терпением опять приобрел и здоровье и богатство, – Господь наш, победив смерть Своим воскресением, даровал верующим в Него не здоровье только, но и бессмертие, и получил от Бога Отца власть и господство над всем, как Он засвидетельствовал: *вся Мне предана от Отца Моего* (Лк. 10, 22). Блаженный Иов скончался в мире, – Господь наш, оставив нам мир, купленный ценою Его крови, в кроткой и мирной славе вознесся к Отцу Своему».

В Священном Писании есть ясные свидетельства о том, что Давид был образом Иисуса Христа. Мессия у пророков часто изображается под именем Давида (Иер. 30, 9; Иез. 34, 24–25; 37, 24–26; Ос. 3, 5), народ христианский называется семенем Давида (Иер. 33, 22), власть Мессии – ключом Давида (Откр. 3, 7), престол Его – престолом Давида (Ис. 9, 7; Лк. 1, 32), царство Его – царством Давида (Ис. 9, 7), Церковь Его – домом Давида (Зах. 12, 8; 13, 1; Ис. 16, 5), благодеяния, даруемые Им, благодеяниями Давида (Ис. 55, 3). В пророчесственных псалмах Давид представляется говорящим от своего лица, между тем слова его изображают лице Мессии, как свидетельствуют новозаветные святые писатели (Деян. 13, 35–38; Евр. 2, 12). Жизнь Давида – попеременно бедственная и скитальческая, и затем благоденственная и счастливая, изображает двоякое состояние Спасителя – уничижения и прославления. Как много страдал Давид от врагов своих! В псалмах постоянно слышатся молитвенные вопли его к Богу о помощи и избавлении от гонителей. Преследование Саула предрекало бедствия, какие угрожала Спасителю злоба иудеев. Против Давида восстал сын его, *ядый хлебы его возвеличи на него запинание* (Пс. 40, 10); так и против Христа восстал ученик, *ядый с Ним хлеб* (Ин. 13, 18). За бедствиями, перенесенными Давидом, следовала слава и все враги были им побеждены при помощи Божией, не оставлявшей его во все время жизни. «Давид, – говорит святитель Афанасий Александрийский, – превозмог всех врагов своих и гонителей, и пребыл неврежден от злоумышлений Саула; так и Христос не получил вреда ни от Ирода, ни от синагоги иудейской, которая, хотя и заключила Его в гробе, как Саул Давида в пещере, но не могла лишить Его бессмертной жизни, ибо как Давид исшел невредим из пещеры, так и Христос со славою воскрес от гроба».

Давид троекратно был помазан на царство, сперва в доме отца (1 Цар. 16, 13), потом в Хевроне одним коленом Иудиным (2 Цар. 2, 4) и наконец всеми коленами в том же Хевроне (5, 3): так и Христос рожден Царем прежде всех веков; потом, воплотившись от Девы, признан Царем немногими, как, например, волхвами (Мф. 2, 2), Иоанном Крестителем (Ин. 1, 27), Нафанаилом (ст. 49), детьми, встретившими при входе в Иерусалим (12, 13); наконец, после воскресения Он Сам возвестил, что ему принадлежит всякая власть *на небеси и на земли* (Мф. 28, 18), и апостолы свидетельствуют, что Он сел одесную Бога и приял от Него царство (Деян. 2, 34–36; 1 Кор. 15, 25).

Образ Иисуса Христа усматривается как в имени и мудрости Соломона, так в строении им храма и славе царства его. Сын и преемник Давида Соломон также прообразовал Господа Иисуса Христа, как на это указывают многие места Священного Писания. Пророчества Нафана о царе, преемнике Давида (2 Цар. 7, 13, 14), хотя непосредственно относятся к Соломону,

тем не менее самые сильные выражения его относятся не к Соломону, а к Мессии; так, свойство вечности, приписываемое царю, имеющему восстать после Давида, очевидно указывает на Христа. Слова этого пророчества: *Аз буду Ему во Отца и Той будет ми в Сына* (ст. 14), относимые Давидом в завещании к Соломону (1 Пар. 28, 6), святым апостолом Павлом объясняются об Иисусе Христе (Евр. 1, 5). В псалме 71, написанном о Соломоне, есть черты, которые указывают именно на этого царя [...], но есть и такие черты, которые не могут идти к Соломону и относятся ко Христу и Царству Его (ст. 5, 8, 11, 13, 17).

Как Соломон создал храм, так и истинный Соломон наш – Иисус Христос – создал Свою Церковь. Слава царства Соломонова, распространившаяся за пределы владений его, указывает на величие Царства Христова, на славу имени Его, возведенную по всем *концам вселенной* (Рим. 10, 18).

Пророк Илия, по указанию Самого Господа, был образом Его в том, что, оставив землю Израильскую, пришел в Сарепту сидонскую к вдовице (3 Цар. 17, 10). Подобно пророку, Господь оставляет Свой отечественный город Назарет и желает благодетельствовать лучше иным градам, нежели неверующим соотечественникам: *многи вдовицы быша во дни Илиины во Израили, егда заключися небо три лета и месяц шесть, яко бысть глад велик по всей земли, и ни ко единой их послан бысть Илия, токмо в Сарепту сидонскую к жене вдовице* (Лк. 4, 25–26). В другом месте (Мф. 17, 12) Иисус Христос, предрекая о Своем страдании, представляет тот же пример Илии, терпевшего бедствия от своего народа: *так и Сын Человеческий имать пострадати от них*.

Преемник пророческого служения Илии – Елисей, подобно своему предшественнику, служит прообразом Господа Иисуса Христа в том, что предпочел оказать благодетельствие Нееману сириянину, хотя и много было в то время прокаженных в израильской стране. Так и Христос, отверженный Своими соотечественниками, благодетельствовал иным градам и весям. На эту прообразовательную черту указывает Господь в том же месте, где говорит о пророке Илии: *и мнози прокажени беху при Елисеи пророце во Израили, и ни един же от них очистися, токмо Нееман сирианин* (Лк. 4, 27).

Пророк Иона, по словам Самого Иисуса Христа, был вообще прообразовательным знаменем для своего времени: *якоже бысть Иона знамение Ниневитом, тако будет и Сын Человеческий роду сему* (Лк. 11, 30). «Только оком веры, – замечает священномученик Зинов, – можно несколько прозревать в таинственный смысл тех вещей, явлений и действий, которые окружали пророка Иону и происходили около него и с ним самим после того, как решился он убежать в Фарсис от лица Божия (Ин. 1, 3). Так, корабль, по моему мнению, есть образ синагоги Иудейской. В кормчем корабля я вижу символ священнического иудейского сословия: оно также должно было направлять народ к надежной пристани, к вере в Искупителя, указывая ему подводные камни жизни, о которых неопытность и неосмотрительность часто разбиваются. Корабельщики олицетворяют собою книжников и фарисеев. В лице Ионы, который спокойно спал на корабле среди страшных смятений природы, таинственно предызображены некоторые обстоятельства из жизни Господа нашего, именно: корабль знаменует животочивую смерть Господа на кресте. Как во времена сна Ионы страшно волновалась природа, по небу ходили тучи, закрывавшие солнце, а на земле разверзались бездны морские, так и во время смерти Господа солнце помрачилось и земля разверзла недра свои. Море, волновавшееся и сильно пенявшееся, – это гордый мир; шумные морские волны – это иудеи и язычники, которые тщетно возставали и неистовствовали против Господа (Пс. 2, 1–5).

По жребию Иона был брошен в море, – по пророческим предсказаниям страдал Господь наш. Притом, как Иону, согласно с собственным его желанием, бросили в море, так и Господь наш добровольно, по бесконечной любви Своей к нам, испил чашу мучений. Кит – это символ гроба и ада: как Иона, поглощенный китом, по прошествии трех дней и трех ночей был выброшен им и после того отправился в Ниневию, так и Господь наш, после смерти Своей

нисходивший в бездну ада и разрушивший царство сатаны, в третий день восстал из гроба и по воскресении Своём, прежде восхождения на небо к Отцу Своему, явился в Иерусалим.

Наконец, Ниневия представляет нам образ Церкви. Недаром Бог назвал ее большим городом, ибо Он видел, что настанет время, когда из людей, рассеянных по всему миру, принадлежащих разным народам, но уверовавшим во Христа, составится одно великое гражданство – святая Его Церковь под управлением вечного Царя – Христа. Это сравнение Ниневии с Церковью подтверждается и спасительным обращением ниневитян к Богу». Иисус Христос, упомянув о пророке Ионе и сравнивая его с Собою, говорит, *се боле Ионы* zde (Мф. 12, 41), а святитель Иоанн Златоуст толкует эти слова следующим образом: «Иона – раб, Я – Владыка; он исшел из чрева китова, а Я воскрес от смерти; он проповедовал разрушение, а Я пришел благовествовать царствие. Об Ионе никто не пророчествовал, а обо Мне все, и дела Мои совершенно согласны с пророчествами; он убежал от лица Господня, думая устраниваться от осмеяния, а Я, наперед зная, что буду распят и поруган, пришел в мир; он не хотел перенести и того унижения, чтобы видеть спасенными ниневитян, а я претерпел смерть, и смерть позорнейшую, и после этого еще посылаю других проповедовать».

Кроме праведных мужей Ветхого Завета, весь израильский народ в некоторых обстоятельствах своей жизни прообразовал Господа Иисуса Христа. Так, евангелист Матфей, повествуя о возвращении Младенца Иисуса из Египта, говорит, что оно случилось по пророчеству: *да сбудется реченное от Господа пророком глаголющим: от Египта возвах Сына Моего* (2, 15). Приведенное евангелистом пророчество находится у Осии: *из Египта возвах Сына Моего* (Ос. 11, 1).

б) Преобразовательные события. Святой апостол Петр указывает в Ноевом ковчеге образ Церкви, прообраз купели крещения и в великом обновлении человеческого рода в водах потопа – предызображение возрождения каждого верующего (1 Пет. 3, 20–21). В потоке погребен ветхий, растленный грехом человеческий род, но в то же время уготован новый род, сохраненный в ковчеге: подобно сему мы *крещением погребаемся со Христом в смерть* для истребления ветхого нашего человека и в то же время вводимся им в бессмертную Церковь Его и начинаем жить обновленной жизнью (Рим. 6, 4–6). Новозаветная *баня пакибытия* (Тит. 3, 5) – крещение, – подобно потоку, смывает грех и потопляет ветхого человека (Кол. 3, 9), так что Господь Иисус Христос для обновляемого человечества является как бы другим Ноем, Начальником новой жизни.

Важнейшее событие в жизни Исаака – принесение его отцом в жертву (Быт. 22, 1–18; ср. Иак. 2, 21; Евр. 11, 17–19) прообразовало жертвоприношение Сына Божия на кресте. «Образ Христовы страсти был еси яве, Исааче преблаженне, возводим отчим благопокорением еже закалаться», – поет Святая Церковь. Иисус Христос говорит об Аврааме, *отце верующих* (Рим. 4, 11, 18; Гал. 3, 7), что он *виде день* Его и *возрадовася* (Ин. 8, 56). «Как это, – спрашивает святитель Иоанн Златоуст, – видел день Христов человек, живший за столько лет прежде?» – и отвечает: «В прообразе, в тени; ибо как здесь овча принесено вместо Исаака, так и словесный Агнец принесен в жертву за весь мир: истина должна была предызобразиться в тени». Он, по замечанию преподобного Ефрема Сирина, «видел день страдания в образе Исаака на Горе Святой». Авраам из любви к Богу жертвует своим возлюбленным сыном; Бог из любви к человеку не пощадил Сына Своего Единородного, *но за нас предал есть Его* (Рим. 8, 32; Ин. 3, 16). «Там сын единородный и здесь Единородный; там возлюбленный и истинный сын и здесь возлюбленный и Единородный Сын; тот приносим был отцом во всеожжение, и Сего предал Отец». «Исаак, оставив рабов с ослом, один с отцом восходит на гору жертвоприношения; Иисус, оставленный учениками, восходит на гору распятия, чтобы одному *истоптать точило* (Ис. 63, 3). На Исаака возлагаются дрова, потом он возлагается на дрова; Иисус несет на гору крест, потом Сам возносится на крест. Исаак не противится своему закланию; Иисус,

яко овца на заколение ведеса и яко агнец пред стрижущими его безгласен (Ис. 53, 7), послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя (Флп. 2, 8)» (свт. Филарет Московский). «Созерцая мысленно нож (подъятый Авраамом), – говорит преподобный Ефрем Сирин, – представляй себе копие; представляя жертвенник, имей в мыслях лобное место; видя дрова, представляй крест; взирая на огонь, помышляй о любви». Кроме того, жертвоприношение Исаака называется у святого апостола *притчею* воскресения из мертвых (Евр. 11, 19) и служит прообразом не только смерти, но и воскресения Иисуса Христа. Исаак, закалаемый в течение трех дней решительным произволением отца своего, уже возложенный на дрова всежжения, приемлет жизнь с небеси, – Иисус, *умерщвлен быв плотию, ожив же духом* (1 Пет. 3, 18), как Бог, тридневен восстает от гроба; жертва Исаака низводит обильнейшие благословения Божии на все потомство Авраама (Быт. 22, 17–18), – жертва Христова привлекает бесчисленные благословения на всех верующих.

Когда Ангел возвестил Гедеону волю Божию – идти и избавить отечество от власти мадиамлян, то для удостоверения дано было ему такое знамение: на руно (кожу овцы), положенное им на гумне, ночью сошла обильная роса, между тем как вся земля вокруг была суха; в другую же ночь земля была омочена росой, а лежавшее на гумне руно было совершенно сухо (Суд. 6, 36, 40). Это чудное событие, по изъяснению Святой Церкви, имеет отношение к воплощению Господа Иисуса Христа. Гумно знаменовало избранный народ Божий (Мф. 3, 12; Лк. 3, 17), руно – Пресвятую Деву: «Радуйся, руно одушевленное, еже Гедеон предвиде»; «руно и роса Гедеону во изменении образуема рождество Твое предпишут: Ты бо едина Божественное Слово носиши во чреве, яко дождь, Дево Мати». Руно было орошено росой; Пресвятая Дева была орошена небесным и Божественным дождем, сшедшим на Нее: «якоже на руно, дождь небесный, на Тя сшедший, подъяла еси, Всечистая»; «яко на руно во чрево Девы сшел еси дождь, Христе». Этот небесный и Божественный дождь – Христос – сошел на руно тихо: «якоже на руно сниде без шума с небесе, Дево, дождь в ложесна Твоя Божественный, и спасе все изсохшее человеческое естество, Пречистая».

На пути в Месопотамию, в Вефиле, Иаков имел таинственное видение лестницы, утвержденной на земли и достигающей до неба (Быт. 28, 12–17). Эта лестница, по изъяснению церковных песней, есть Пресвятая Дева Богородица: «Ею сниде Бог» (из акафиста) и Она «к небесной высоте нас возводит» (из Октоиха). «Тебе мысленную и одушевленную лестницу, на нейже Бог наш утвердися, еюже к небеси обретохом восхождение, песньми, Богородице, величаем» (из церковных песнопений). Чудное видение предрекало Иакову схождение Сына Божия на землю и Его воплощение, соединившее небо с землею. О восхождении же и нисхождении на Себя Ангелов говорил Сам Господь: *отседе узрите небо отверсто и Ангелы Божия восходящая и нисходящая над Сына Человеческого* (Ин. 1, 51). Это восхождение и нисхождение Ангелов означало служение их воплощенному Сыну Божию, на которое указывается в Евангельском повествовании (Лк. 1, 26; 2, 9, 13; Мф. 4, 11; Лк. 22, 43). На месте видения Иаков поставил камень, и это, как думают святые Отцы, во образ Христа, краеугольного камня Церкви: «Он есть камень, отверженный зиждущими, бывший во главу угла; камень помазан елеем, ибо Еммануил помазан *елеем радости паче причастник* Своих (Пс. 44, 8)».

Боговидец Моисей зрел образ воплощения Сына Божия в купине горевшей и не сгоравшей (Исх. 3, 2). Купина, по толкованию Святой Церкви, прообразовала Пресвятую Деву Богородицу, а явившийся в купине Моисею *Ангел Господень*, по изъяснению святых Отцов, есть «вместе и Ангел, и Бог, – Тот, о Котором все научены, что *нарицается имя Его Велика Совета Ангел* (Ис. 9, 6). В лице Того, Который, явясь Моисею, – замечает святитель Василий Великий, – наименовал Себя Сущим должно разуметь не иного, как Бога Слово, Сущего в начале у Бога (Ин. 1, 12)». «Чудо страннолепно, – воспевают Святая Церковь, – купина образ прообрази, чистая Отроковице, горящи неопальна древле на Горе Синайстей, тайну рождества Твоего прописующи: огонь бо в Тя Божества вселивыйся невредну Тя соблюде».

Святитель Кирилл Александрийский находит в купине также образ соединения во Христе Божества с человечеством: «Чудо купины поистине удивительно и превышает разум. В Священном Писании Божественная природа часто сравнивается с огнем, а деревья и полевые растения означают земного человека. И как терние не могло снести огня, так Божества не может (по законам естественным) вместить человечество. Но во Христе Божество вместилось в человечество (Кол. 2, 7), и Бог, *живый во свете неприступнем* (1 Тим. 6, 16), вместился во храм Девы, умалил Себя чудным смирением и как огонь соединился с тернием, и таким образом то, что по своей природе причастно тлению, т. е. плоть Свою, Сам соделал нетленной, непричастною смерти, что объясняет образ огня в купине, сохранившего купину совершенно невреденною».

О манне, которою питался народ израильский в пустыне (Исх. 16, 15), Сам Господь Иисус Христос говорит, что она прообразовала *хлеб истинный с небесе* (Ин. 6, 32); *отцы ваши ядоша манну в пустыни и умроша: сей есть хлеб, сходяй с небесе, да аще кто от него яст, не умрет: аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе; аще кто съестъ от хлеба сего, жив будет во веки, и хлеб, егоже аз дам, плоть моя есть, юже аз дам за живот мира* (49–51). Святой апостол Павел возводит к Первообразу Христу переход израильтян чрез Чермное море, облачный столп, манну, изведение воды из камня: *отцы наши вси под облаком быша и вси сквозе море проидоша, и вси в Моисея крестишася во облаце и в мори, и вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша, пияху бо от духовнаго последующаго камене, камень же бе Христос* (1 Кор. 10, 1–4). В объяснение этих слов блаженный Феодорит кратко замечает: «древнее было образом нового; Закон Моисеев был тенью, а благодать есть тело. Евреи, преследуемые египтянами, переходом чрез Чермное море избавились от жестокого рабства египетского. Посему море сделалось образом купели, облако – образом Святого Духа, Моисей – образом Христа Спасителя, жезл – образом креста, фараон – образом диавола, египтяне – образом демонов, манна – образом Божественной пищи, вода, истекшая из камня, – образом спасительной крови. Евреи по переходе через Чермное море ели неизвестную им дотоле пищу и пили необыкновенную воду; мы после спасительного крещения приобщаемся Божественным Тайнам». Подробнее толкует слова апостола святитель Иоанн Златоуст: «Там вода и здесь вода; здесь купель, там море; здесь все вступают в воду и там все – в этом сходство. Там чрез море избавились от Египта, здесь (чрез крещение) от идолослужения; там потоплен фараон, здесь диавол; там погребены египтяне, здесь ветхий, греховный человек. Что же значит: *вси в Моисея крестишася*»? – Разливалось тогда море пред глазами израильтян и повелено им было перейти этим странным и необычайным путем, которым никто из людей никогда не проходил. Они не решались, уклонялись и боялись. Моисей прошел первый, а за ним и все удобно последовали. Это и значит: *в Моисея крестишася*; поверив ему, они таким образом осмелились вступить в воду, имея предводителя путешествия. То же было и со Христом: выводя нас из заблуждения, избавляя от идолослужения и руководя к Царству, Он Сам проложил нам путь, восшедши первым на небеса. Посему как израильтяне, поверив Моисею, решились идти, так и мы, веруя во Христа, смело совершаем свое странствование. Сказав о море, облаке и Моисее, апостол присовокупил: *и вси тожде брашно духовное ядоша*. Как ты, говорит, выходя из водной купели, приступаешь к трапезе, так и они, по выходе из моря, приступили к трапезе новой и необыкновенной, разумея манну. И еще: как ты имеешь необыкновенное питье – спасительную Кровь, так и они имели питье необыкновенного рода, нашедши не источники и не текущие реки, но получив из камня твердого и безводного весьма обильные потоки. Посему он и назвал это питье духовным не потому, чтобы оно было таким по своей природе, но потому что было таким по способу произведения, ибо не по закону природы оно было дано им, а по действию Бога, Который вел их. Это самое он и подтверждает в словах своих. Ибо сказав: *и вси тожде пиво духовное пиша*, – а питием была вода, – и желая показать, что слово *духовное* относится не к свойству воды, а к способу ее произведения, он присовокупил: *пияху бо*

от духовного последующего камне; камень же бе Христос. Не свойство камня, говорит, но сила действующего Бога произвела эти потоки. Из *духовного камня* – Христа истекли во всю вселенную обильнейшие источники благодати и спасения, и *живой камень* сей для верующих служит *во главу угла* – началом и основанием благодатной жизни, а для неверующих – *камнем преткновения и камнем соблазна, о немже и претыкаются слову противляющися* (1 Пет. 2, 4, 7–8)». По мысли Святой Церкви, Моисей разделил воды Чермного моря (Исх. 14, 16) прообразовательной силой креста: «крест начертан Моисей впрямо жезлом Чермное пресече», и опять соединил воды, «вопреки написав непобедимое оружие». В пустыне «горькородные источники» Мерры он усладил дровом (Исх. 15, 25), «образом крест прописуя» и предуказывая «крестом преложение язычников ко благочестию» и «совершенное истребление горести убийственных, яже от (запрещенного) древа». Также при нападении врагов на израильтян (Исх. 17, 11), «честнаго креста действо прообразив Моисей победи противнаго Амалика в пустыне синайстей, егда бо простираше руке, креста образ творя, укрепляхуся людие». Когда в наказание за ропот и непослушание израильтяне погибали от укушения змей (Чис. 21, 6–9), «возложи Моисей на столпе врачество, тлетвориваго избавления и ядовитаго угрызения, и древу образом креста по земли пресмыкающегося змия привяза». Сам Спаситель указывает на прообразовательное значение сего знамения: *якоже Моисей вознесе змию в пустыни, тако подобает возвестися Сыну Человеческому, да всяк веруяй в Онъ не погибнет, но иматъ живот вечный* (Ин. 3, 14–15).

«Медный же змий, – так изъясняет этот прообраз святитель Григорий Богослов, – хотя и повешен против угрызающих змиев, однако же не как образ Пострадавшего за нас, но как изображающий противное, и взирающих на него спасает не чрез уверенность, что он жив, но потому что низложенный (чего и достоин был) сам умерщвлен и умерщвляет с собою подчинившиеся ему силы».

В пророке Ионе, пребывавшем в ките три дня и три ночи, Спаситель указывает прообраз Своего тридневного погребения и воскресения: *якоже бе Иона во чреве китове три дни и три нощи, тако будет и Сын Человеческий в сердцы земли три дни и три нощи* (Мф. 12, 40; 16, 4). Святая Церковь в своих песнопениях также представляет пророка Иону «Христовым проображением» и именно «погребения и воскресения»: «китом ят, погребение тридневное прообразуя Христово», «тридневного бысть проображение в камени, Христе, погребения Твоего»; «Христово тридневное прописуя возстание, от кита тридневен исшел еси»; «Боговидный был еси образ и премирное сподобился еси прообразити Христово воскресение».

Три благочестивые отрока – Анания, Азария и Мисаил – не поклонились золотому истукану, вопреки велению царя Навуходоносора, и за такое преслушание были ввержены в раскаленную печь, но силою Божию сохранены невредимыми (Дан. гл. 3), *Ангел Великаго Совета Божия* (Ис. 9, 6; Мал. 3, 1) – Сын Божий, снисшедши в печь, преложил пламень в росу и тем предобразил чудное рождение Свое от Пресвятой Девы Марии. «Благословите отроцы, Троицы равночисленнии, Содетеля Отца Бога, пойте снисшедшее Слово и огонь в росу претворшее». Неопалением отроков в печи предуказано неопальное чревоношение Пресвятой Богородицы: «росоносная печь представила образ сверхъестественного чуда, ибо она не опалает принятых юношей, как и огонь Божества утробы Девы»; «яко печь древле приемшая отроки не опали, тако и Дева, заченши Зиждителя, не опалися утробою» (из церковной службы).

в) Прообразовательная обрядность. По намерению Промысла, предуготовлявшего людей к принятию Спасителя, избранные мужи и чудесные события Ветхого Завета прообразовали грядущего в мир Искупителя. Но эта *тайна* искупления, *сокровенная от век и от родов* (Кол. 1, 26), предызображалась также и в богослужебной обрядности израильского народа. Ветхозаветный обрядовый закон, по словам святого апостола Павла, сень имел *грядущих благ, не самый образ вещей* (Евр. 10, 1), т. е. в Церкви подзаконной, как в своей тени, отражалось *тело*

Христово (Кол. 2, 17) – наш Искупитель и совершенное Им дело искупления. Известно, что по тени, которую отбрасывает тело, можно в некоторой степени определить величину и очертание тела, движение его и направление. В утвари, священных лицах и обрядах ветхозаветной Церкви предуказаны были очертания и образы будущего, именно – Мессии, свойств Его и действий, так что *закон, по изъяснению святого апостола, был пестуном во Христа* (Гал. 3, 24).

Место ветхозаветного Богослужения – скиния, устроенная *по образу, показанному* Моисею Богом *на Горе* (Исх. 25, 40), по выражению святого апостола Павла, была *притчею* или образом и со всеми своими жертвами и обрядами предназначена была существовать только *до времени исправления* (Евр. 9, 9-10). Она представляла Церковь, постепенно устрояемую в роде человеческом и приближающую человеков к царству обетованного Мессии. Храм, воздвигнутый Соломоном по подобию скинии, имел такое же знаменование. Двор, открытый для всего народа, означал, по изъяснению святителя Филарета, внешнюю Церковь и всеобщее призывание к ней, а жертвенник и умывальница, находившиеся во дворе, прообразовали христианские таинства крови и воды, которые вводят в нее и запечатлевают союз с нею. Святилище, в которое входили священники, представляло внутреннюю Церковь, в которой Христос есть и *Свет Истинный* (Ин. 1, 9), и *хлеб животный* (6, 48), и алтарь, с которого *с воней благоухания* духовного (Еф. 5, 2) возносятся к Богу молитвы верующих (Ин. 14, 13; Апок. 8, 3). Эта Церковь, однакоже, на главнейшие таинства Христовы должна была приникать гаданием – чрез завесу, которая отделяла святилище от Святой святых. Завеса, скрывавшая Святой святых, уподобляется святым апостолом Павлом также *плоти Христовой* (Евр. 10, 20), прикрывавшей от немощи человеческой непреступную славу Божества *Святая святых* (Дан. 9, 24).

Внутреннейшая часть скинии, доступная одному первосвященнику и притом один раз в году – в день очищения, – знаменовала самый престол и владычество Мессии – Богочеловека, нисходящего с неба, как манна, прозябающего от земли, как жезл, усеченный до корня, делающегося нашим *очищением* (Рим. 3, 25) и совершающего тайну оправдания и освящения нашего, в которую *желают Ангели приникнути* (1 Пет. 1, 12). Вообще, ветхозаветная скиния носила на себе образ того святилища и той скинии истинной, где священнодействователь *есть Сам Христос* (Евр. 8, 2).

Как скиния и храм имели прообразовательное значение, так и совершители ветхозаветного Богослужения – священники и первосвященник – *служили образу и тени небеснаго* (Евр. 8, 5). В Послании к Евреям святой апостол Павел изъясняет не только то, что ветхозаветное священство прообразовало Христа, а также и то, что прообраз, по причине превосходства образа, не мог соответствовать всем чертам его. В Ветхом Завете *множайшии священницы быша, зане смертью возбранени суть пребывати. Сей же* (т. е. Иисус Христос), *занеже пребывает во веки, непреступное иматъ священство; Он не иматъ по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своих гресех жертвы приносити, потом же о людских, сие бо сотвори единою Себе принес* (Евр. 7, 23–24, 27). В толковании на эти слова святого апостола блаженный Феодорит замечает: «Апостол находит две вещи которых не имели прежние священники, именно: они постоянно приносили жертвы и приносили вместе и за самих себя, потому что и они, как люди, грешили; подверженные же грехам не могут уже с таким дерзновением приносить, а Иисус Христос ничего этого не делал, – первого потому, что Он непричастен греху, а последнего потому, что и одной Его жертвы достаточно для спасения. Те приносили в жертву что-нибудь иное, а Он принес собственное Свое тело, Сам будучи и священником и жертвою, и как Бог, вместе с Отцем и Святым Духом, Он же принял и дар» (блж. Феодорит).

Апостол Павел указывает на *Архиерея Велика, прошедшаго небеса, Иисуса, Сына Божия* (Евр. 4, 14): *Христос, пришед архиерей грядущих благ, большею и совершеннейшею скиниею, нерукотворенною, сиречь, не сея твари, ни кровию козлею, ниже телъчею, но Своею кровию, вниде единою во святая, вечное искупление обретый; не в рукотворенная бо святая вниде Христос, противообразная истинных, но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас, ниже*

да многожды приносит Себе, якоже первосвященник входит во Святая Святых по вся лета с кровию чуждею, – ныне же единою в кончину веков, во отметание греха, жертвою Своєю явися, – единою принесется, во еже вознести многих грехи (9, 11–12, 24–28).

Иисус Христос принес за нас не кровь козлюю и тельчью, но Свою собственную, и за сию кровь восшел на небо, не как подзаконный архиерей однажды в год, но однажды навсегда приобрел вечное спасение, сделавшись ценою искупления за нас. Он всех нас освободил от власти смерти.

Происхождение жертв, главной составной части ветхозаветного Богослужения, восходит к первым временам рода человеческого. Каин и Авель, сыновья Адама, уже приносят жертвы Богу, и притом Авель – от первородных овец своих и от туков их (Быт. 4, 3–4). Жертвы служили прообразом великой жертвы, которую Мессия имел принести правосудию Божию *Своею кровию* (Евр. 9, 12), и установлены Богом с тою целью, чтобы поддержать в роде человеческом веру в обетованного Исккупителя, «преднаписуя, – по выражению святителя Григория Богослова, – в кровавых жертвах будущее жертвоприношение».

Закон Моисеев до малейших подробностей определяет различные виды и обряды жертвоприношений и усваивает им силу очистительную. Как истинная, всеочищающая и освящающая жертва, predeterminedенная в Предвечном Совете Пресвятой Троицы, Иисус Христос называется в Священном Писании *Агнцем Божиим, вземлющим грехи мира* (Ин. 1, 29), *Агнцем непорочным и пречистым* (1 Пет. 1, 19), *Агнцем, заколенным от сложения мира* (Откр. 13, 8; 5, 12). Это название указывает также и на агнца пасхального, который был наиболее полным прообразом Христа Спасителя. Пред исшествием из Египта Бог повелел израильтянам совершить *пасху* следующим образом: в 10-й день месяца нисана каждое семейство – одно, или в случае малочисленности в соединении с другими, должно было избрать и отделить, в 14-й день вечером заколоть однолетнего и непорочного агнца либо козленка, и, омочив в кровь его кисть иссопа, помазать двери своего дома, а затем испечь его на огне, и, не повреждая костей, поспешно съесть с горькими травами и опресноками (Исх. 12, 3–27). *И мимо пройдет Господь избити египтян и узрит кровь на прязе и на обою подвою, и минет Господь двери и не попустит погубляющему внити в дома вашаубивати* (ст. 23), – так говорил Моисей сынам Израиля при установлении праздника пасхи. Кровь агнца, которою первенцы израильские спасаются от гибели, а также и другие обряды пасхи ветхозаветной имеют прообразовательное значение. Евангелист Иоанн, повествуя о том, что воины не пробili голеней распятого Господа, прилагает к Нему написанное в Ветхом Завете о пасхальном агнце (Исх. 12, 10): *быша бо сия, да сбудется писание: кость не сокрушится от Него* (Ин. 19, 36). Святой апостол Павел изъясняет опресноки и ветхозаветную пасху таким образом: *очистите ветхий квас, да будете ново смещение якоже есте безквасни, ибо Пасха наша за ны пожрен бысть Христос; темже да празднуем, не в квасе ветсе, ни в квасе злобы и лукавства, но в безквасиих чистоты и истинны* (1 Кор. 5, 7–8). В церковных песнопениях ветхозаветный пасхальный Агнец также представляется прообразом Иисуса Христа, Который, будучи безгрешен, совершенно чист и непорочен, заклан для спасения людей от рабства греховного: «явися Христос, яко человек же, Агнец наречется, непорочен же, яко невкусен скверны, наша Пасха, и яко Бог истинен, совершен речеса»; «яко единоголетний агнец – волею за всех заклан бысть, Пасха очистительная» (из Пасхальной службы). Объясняя сходство, а вместе с тем и различие пасхи ветхозаветной и новозаветной, святитель Прокл, архиепископ Константинопольский, замечает: «Древле священное торжество пасхи, по закону, было таинственно совершено в Египте, и символом, выражающим сие таинство, было заклание агнца; ныне же, по Евангелию, мы духовно совершаем Пасху, торжествуя Воскресение. Там по закону был заклан агнец от стада (Исх. 12, 5), здесь приводится Сам Христос, Агнец Божий; там овца от овец, здесь вместо овцы Сам Пастырь добрый, положивший душу Свою за овцы (Ин. 10, 11); там знамение крови бессловесной, которою мазали крест, послужило предохранительным средством для всего народа, здесь честная

кровь Христова изливается за спасение всего мира, дабы мы получили оставление грехов; там были погублены первенцы египетские, здесь чрез исповедание очищаются многочисленные роды грехов; там потопляем был фараон с страшным своим воинством, здесь чрез крещение потопляется мысленный фараон со всею своею силою».

2) *Обетования и пророчества об Иисусе Христе в Ветхом Завете* В чувственных образах, предвозвещавших Христа в прообразовавших Его лицах, событиях и обрядах ветхозаветных, как бы уже видится мерцание дня Мессии (Ин. 8, 56). Но еще яснее среди великой ночи времен ветхозаветных сияла радостная и вожделенная заря искупления в обетованиях и вещаниях пророчесственных, которые, постепенно более и более раскрываясь пред взорами веры истинных израильтян, приготавливали их к сретению незаходимого *Солнца Правды* – Христа (Мал. 4, 2).

Обетование об искуплении, данное падшим праотцам нашим еще в раю, Бог неоднократно подтверждал праведным патриархам Ветхого Завета. Затем, когда израильтяне были изведены из земли египетской, Он посылал к ним пророков. В особенности же, от дней Самуила до второго храма, т. е. до возвращения евреев из плена вавилонского, пророки являются среди народа Божия в таком непрерывном преемстве и значительном числе, что сие продолжение времени, по замечанию блаженного Августина, весьма прилично назвать «пророческим». *Слышите слово Господне*, – в качестве *вестников* (Агг. 1, 13) и *человеков Божьих* (1 Цар. 9, 6–7; 4 Цар. 4, 24–25) зывали пророки к народу (4 Цар. 7, 1; Ис. 1, 10; Иер. 2, 4), и сами цари вопрошали у них: *еще есть слово от Господа* (Иер. 37, 17)? Во имя Бога Вседержителя вдохновенными глаголами они поучали, обличали и утешали народ Божий, приготавливая на земле откровение благодатного Царства Христова. От современных и ближайших происшествий они весьма часто устремляли взоры свои ко временам отдаленнейшим, когда великое дело Домостроительства спасения нашего должно было открыться во всей обширности и полноте. Перед светлейшим взором их в дивных созерцаниях события, разделенные веками, но соединенные внутренними соотношениями, являлись иногда в непрерывной последовательности, и поэтому они не всегда резко отделяют прошедшую и настоящую судьбу народа Божия от будущей. По мере прозрения в радостную будущность, в имевшее открыться на земле царство благодати, одушевление пророков становилось живее, восторги пламеннее, видения восхитительнее, виды обширнее и возвышеннее. Предызображая тайны нового Царства Божия, они указывали в лице Мессии единственного Виновника счастья и блаженства не для одного избранного народа, но для всего рода человеческого. Это чудное и непостижимо великое Лицо являлось взорам их в различных положениях, под различными видами, в образе величественном и уничиженном, торжествующем и страждущем, Божественном и вместе человеческом.

Иисус Христос, обличая неверие иудеев, указывал им вообще на писания Ветхого Завета: *испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный, и та суть свидетельствующая о Мне* (Ин. 5, 39), и в частности на Моисея: *еще бо бысте веровали Моисею, веровали бысте убо и Мне, о Мне бо той писа* (ст. 46). По воскресении Своем явившись двум ученикам, шедшим в Эммаус, Он, *начен от Моисея и от всех пророк, сказаши им от всех писаний, яже о Нем* (Лк. 24, 27), и по возвращении этих учеников в Иерусалим, явившись всем апостолам, сказал им в уверение Своих страданий и воскресения: *сия суть словеса, яже глаголах к вам, еще съий с вами, яко подобает скончатися всем написанным в законе Моисееве, и Пророцех и Псалмех о Мне* (ст. 44). Святой апостол Петр, уподобляя пророческое слово светилю, сияющему в темном месте (2 Пет. 1, 19), говорит, что *Бог предвозвести усты всех пророк Своих пострадавши Христу* (Деян. 3, 18), – что *все пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия* (ст. 24), – что *все пророцы свидетельствуют, оставление грехов прияти именем Его всякому верующему в Онъ*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.